

Анна Вежбицка

Судьба и предопределение

Предисловие к публикации

Публикуемый ниже текст представляет собой перевод главы из книги Анны Вежбицкой «Семантика, культура и мышление: универсальные человеческие концепты и их культурно-специфические модификации» (1992).

Всемирно известный лингвист, профессор университета Канберры (Австралия), автор огромного количества статей и восьми книг (в том числе: *Semantic primitives*. Frankfurt, 1972; *Lingua mentalis: the semantics of natural language*. Sydney, 1980; *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor, 1985; *The semantics of grammar*. Amsterdam, 1988), Анна Вежбицка родилась в Варшаве в 1938 г. Ребенком она пережила Варшавское восстание, насильственный разрыв семьи и депортацию вместе с матерью и сестрой в Германию, где мать была отправлена в лагерь на принудительные работы. Семья смогла вернуться в Варшаву и воссоединиться с отцом лишь в 1946 г.*

Анна Вежбицка закончила Варшавский университет по курсу польской филологии и работала в Институте литературы ПАН, в секторе, которым руководила хорошо известная в России профессор Мария Рената Майенова. Особое значение для научной судьбы Вежбицкой имела полугодовая стажировка, которую в 1964-1965 г., после защиты диссертации, Вежбицка проходила в Москве, в Институте славяноведения АН СССР: она сдружилась с группой молодых ученых, стоявших в центре нового направления семантических исследований, которое впоследствии стало называться Московской семантической школой, — Игорем Мельчуком (ныне профессором Монреальского университета), Александром Жолковским (ныне профессором Калифорнийского университета) и Юрием Апресяном (ныне академиком РАН).

Интерес к семантике, возникший у Вежбицкой в Москве, неожиданно получил новый импульс сразу после ее возвращения в Варшаву: услышанная ею лекция профессора Варшавского университета Анджея Богуславского «Основные принципы семантики», в которой Богуславский провозгласил новый подход к исследованию и описанию семантики, основанный на поиске семантических примитивов, явилась для Вежбицкой откровением. Именно тогда, как свидетельствует сама Анна Вежбицка, она решила, что поиск семантических примитивов будет задачей ее жизни.

Анна Вежбицка никогда не испытывала желания эмигрировать из Польши. Сделать это ее вынудили личные обстоятельства: ставший ее мужем в 1970 г. славист-политолог из Австралии, с которым она познакомилась во время стажировки в Оксфордском университете, не смог найти в

* Все биографические данные были любезно предоставлены переводчику профессором А. Вежбицкой.

Польше работы по специальности. В 1972г. семья, в которой появилась первая дочь, Мария, переехала в Австралию и поселилась в Канберре. Здесь в 1975 г. родилась вторая дочь, Клара. В 1973 г. Анна Вежбицка начала работать на факультете языкознания Австралийского национального университета, в котором в 1989 г. получила собственную кафедру.

По мере того как сфера научных интересов Вежбицкой расширялась, включая, наряду с лингвистикой и поэтикой, антропологию и социальную психологию, особое место в ее работах начали занимать исследования польской и русской культуры (в сравнении с англо-саксонской, австралийской и японской культурами). Свидетельство этому — публикуемый ниже материал и книга, которая готовится к выходу в свет: «Понимание культур через их ключевые слова: австралийская, японская, польская и русская культуры».

Р.И.Розина

Судьба и предопределение

1. Судьба, карма, *kismet* — универсалии человеческого опыта?

Люди не всегда могут делать то, что им хочется, и они знают об этом. Их жизни формируются — во всяком случае, до какой-то степени — силами, которые им неподвластны, и это представляется фактом столь же очевидным и универсальным, как то, что они должны умереть. Поэтому у нас есть основания предполагать, что концепт судьбы или что-нибудь в этом роде можно обнаружить во всех культурах и что он находит выражение во всех языках — подобно тому, как это происходит с концептом смерти.

Хилас уверенно заявляет: «Подлинно идеалистическая психология должна признать опыт подчиненности, воздействие на личность потусторонних сил и ощущение, что человек вынужден делать какие-то вещи помимо своей воли. Отсюда универсальность таких понятий, как судьба, предназначение, предопределение, карма и непреднамеренность» [Heelas 1981:51].

Верно ли это? Действительно ли во всех без исключения языках есть слова, хотя бы отдаленно подобные английским *fate* (судьба) и *destiny* (предопределение)?

Безусловно, в очень многих языках, принадлежащих совершенно разным культурам, такие слова имеются. Так, в статье «*fate*» в «Энциклопедии религии и этики» Гастингса [Hastings

1908:26] наряду с греческим концептом *μοῖρα* приводится римский *fatum* (фатум, рок; мусульманский *kismet*, вавилонский *šimtu*, буддистский *karma* (карма), китайский *ming*, *египетский šau* и т.п. (Ср. также [Fortes 1959] и [Cowan 1910] о подобных концептах в Западной Африке и Новой Зеландии.)

Однако в то же время в этой статье энциклопедии отмечается, что в библейском иврите не было слова, соответствующего английскому *fate*. Основанный на Ветхом Завете, который в целом признает свободу выбора, иудаизм не разделяет и не может разделять языческой веры в судьбу. Иудейское сознание никогда не касалось этой темы, и поэтому в Ветхом Завете нет ни одного слова, соответствующего *моῖре* или *фатуму* [Suffrin 1912:793].

Такие концепты, как *fate* или *destiny*, видимо, чужды и языкам австралийских аборигенов. Так, Р.М.У. Диксон утверждает, что таких слов нет в языке дийрбал (Северный Квинсленд). Согласно Диксону, носители дийрбала верят, что ход событий определяют «умные люди» (колдуны) и предки (другой род колдунов), но не абстрактная *судьба/предопределение*, так как идея *судьбы/предопределения* несовместима с их мировоззрением [Dixon 1980]. То же можно сказать и о других языках аборигенов.

По-видимому, Хилас сделал слишком сильное утверждение, написав, что понятия такого рода универсальны. Вывод, к которому приходит Дорнер [Dorner 1910:777] в своем введении к статье «*fate*», кажется более правильным: «Из сделанного обзора можно прийти к заключению о том, что вера в Судьбу широко распространена и принимает многообразные формы». Осторожная формулировка «широко распространена» явно более уместна, чем определение «универсальна».

Но, если «вера в Судьбу принимает многообразные формы», как же определить, что именно «широко распространено»? Вера ли это в английское *fate*? Но турецкое *kismet*, к примеру, настолько отлично от *fate*, что оно вряд ли может рассматриваться как форма того же самого концепта; и его не следует рассматривать сквозь призму этого концепта. Так, *kismet* ассоциируется с чем-то хорошим, а *fate*, как правило, — что-то плохое. Если кто-нибудь говорит по-турецки:

«Мы с тобой увидимся в субботу, если на то будет *kismet*»,

— это означает, что я хочу увидеться в субботу и надеюсь, что это произойдет. Смысл этого выражения гораздо ближе к довольно старомодному английскому выражению *God willing!*¹ чем к любому выражению со словом *fate*.

Это означает, что *fate* не является таким независимым от культуры концептом, который можно использовать в качестве ин-

струмента описания в сравнительных исследованиях культур. Это наивный концепт, и он зависит от культуры в той же степени, что *kismet*, карма или *ming*.

Кроме того, даже в рамках англо-саксонской культуры *fate* не единственный наивный концепт, имеющий отношение к данной проблеме. В английском языке есть также слова *destiny*, *providence*, *predestination*, *fortune* и *luck*. В древнеанглийском языке существовал также концепт *weird*. К тому же у самого слова *fate*, так же, как у *destiny*, в ходе истории английского языка изменилось значение. Аналогично, и в турецком языке *kismet* не единственное слово такого рода. Столь же, если не более, употребительно слово *kader*, обозначающее то, что — как люди верят или воображают — написано на лбу человека (будущие события, которые *непременно должны* произойти в жизни этого человека). Для сравнения таких концептов в разных языках и в разных подсистемах одного и того же языка мы нуждаемся в инструментах анализа, которые в гораздо большей степени независимы от языка и от культуры, чем любой из обсуждаемых нами сложных концептов. Я полагаю, что здесь, как и в других случаях, необходимый инструментарий может быть обеспечен такими элементарными концептами, как 'хотеть', 'не хотеть', 'случиться' или 'знать'.

2. Русская судьба

Судьба — ключевой концепт русской культуры. Эквивалента ему нет ни в английском языке, ни в англоязычной культуре. В качестве самого близкого ему по значению слова словари обычно приводят *fate*, но на самом деле значение *fate* сильно отличается от значения *судьбы*. Пожалуй, к английскому *fate* ближе русское слово *рок* (а английскому прилагательному *fateful* соответствует русское *роковой*). В дополнение к семантическим различиям имеются огромные культурные: *fate* — не особенно важный («салиентный», от англ. *salient*) концепт, и обращения к нему не очень часто встречаются в английской речи. К примеру, можно прочитать толстый английский роман, том писем или мемуаров и ни разу не встретить слово *fate*; точно так же в русской книге такого же объема можно ни разу не встретить слово *рок*, но нельзя читать русский роман, мемуары или письма, не встречая постоянно слово *судьба* — иногда даже по несколько раз на одной странице, как в следующем отрывке из романа Гроссмана «Жизнь и *судьба*», где слово *судьба* повторяется снова и снова.

«В эти минуты решалась судьба основанного Лениным государства... Решалась судьба немцев военнопленных, которые пойдут в Сибирь. Решалась судьба советских военнопленных в гит-

леровских лагерях, которым воля Сталина определила разделить после освобождения сибирскую судьбу немецких пленных... Решалась судьба Польши, Венгрии, Чехословакии и Румынии. Решалась судьба русских крестьян и рабочих, судьба русской мысли, русской литературы и науки» [Гроссман 1980:450].

Впечатление, что слово *судьба* в русском языке употребляется гораздо чаще, чем *fate* — в английском, подтверждается результатами автоматического статистического анализа большого корпуса текстов. В корпусе английских текстов общим объемом в один миллион словоупотреблений Кучера и Фрэнсис отмечают 33 употребления слова *fate* (и 22 употребления близкого ему слова *destiny*) [Kucera-Francis 1967]. В то же время в корпусе русских текстов того же объема Засорина отмечает 181 употребление слова *судьба* [Засорина 1977]. В «Частотном словаре русской лексики» Штайнфельдта [Штайнфельдт 1974] *судьбе* соответствует показатель 148 (на 400000 словоупотреблений). Соответствующие показатели для *рока* (2 по данным Засориной и 0 по данным Штайнфельдта) показывают относительно незначительную роль этого концепта по сравнению с *судьбой*.

Я приводила выше высказывание Хиласа о том, что подлинно идеалистическая психология должна признать существование у человека опыта подчиненности. Если судить по данным лексики и лексикостатистического анализа, придется заключить, что для русской психологии опыт «подчиненности» особенно значим.

Кардинальная значимость концепта *судьбы* в русском дискурсе и мышлении подытожена в песне Окуджавы «Заезжий музыкант»:

Тебя не соблазнить ни платьями, ни снедью...
 Заезжий музыкант играет на трубе.
 Что мир весь рядом с ним, с его горячей медью?
 ...Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе.

Судьба обычно переводится на английский язык либо как *fate*, либо как *destiny*; но ни один из этих переводов не является точным. Например, название фильма Бондарчука «Судьба человека» (по рассказу Шолохова) было переведено как «The *destiny* of a man», но на самом деле лучшим переводом было бы «A human life» (букв. «Человеческая жизнь») или «The story of a human life» («История человеческой жизни»). (Стоит отметить, что Мельчук и Жолковский приводят слово *жизнь* как синоним *судьбы*.) Но если *судьба* переводится просто как *жизнь*, теряется нечто важное — точка зрения на жизнь человека, содержащаяся в *судьбе* и не содержащаяся ни в одном английском слове или выражении.

Для того, чтобы до конца прояснить все оттенки смысла этого заглавия, следует добавить: жизнь человека, воспринимаемая с точки зрения русского наивного мировоззрения (folk philosophy)².

Рассмотрим строки из стихотворения Пастернака «Рассвет»:

Ты значил все в моей *судьбе*.
Потом пришла война, разруха.

[Пастернак 1965:443]

Они были переведены Максом Хэйвордом и Маней Харари следующим образом:

You meant everything in my *destiny*.
Then came the war, the disaster.

[Pasternak 1958:496]

Наверное, лучше было бы употребить слово *life*, а не *destiny*:

You meant all in my *life*.

Но опять-таки, имеется в виду не просто «жизнь», а жизнь, рассматриваемая через призму доминантной для русского наивного мировоззрения философии.

В этой связи важно подчеркнуть, что употребление слова *судьба* для обозначения человеческой жизни характерно не только для поэзии или поэтического настроения. Оно употребляется очень широко, в самых разных ситуациях, от бытового общения до научного доклада. Так, сборнику стихотворений Цветаевой, изданному в Москве в 1965 г., было предпослано научное введение, озаглавленное «Марина Цветаева (*Судьба*. Характер. Поэзия)». Слово *судьба* здесь можно было бы перевести как *life* или *biography*, вряд ли как *fate* или *destiny*. Однако употребление здесь слова *судьба* выражает характерное русское отношение к жизни.

Любопытную параллель использования *судьбы* в качестве квазисинонима *жизни* можно найти в китайском языке. Согласно Вальше, «китайский эквивалент слова *fate* — *ming*... часто употребляется как синоним *жизни*, рассматриваемой как отрезок существования, границы которого жестко фиксированы, так что долгий *ming* — это не что иное, как еще одно обозначение долгой жизни» [Walshe 1912:783]. Но в русской *судьбе* на первом плане не столько *отрезок* существования, границы которого жестко фиксированы, сколько *течение* жизни, или то, что русские называют *жизненным путем* — и в русском языке именно весь этот *путь* (а не его начальная и конечная точки) рассматривается как предопределенный (*fated*)³ — не в каждой его детали, а в целом.

Это различие важно, поскольку оно, возможно, соотносится с различиями существующих типов фатализма (впоследствии мы к этому еще вернемся).

Чтобы понять особое наивное мировоззрение, отраженное в слове *судьба*, полезно более детально рассмотреть те употребления этого слова, которые связаны с представлением о воображаемой силе. Ср., например, строфу из поэмы Пастернака «Разлука»:

В года мытарств, во времена
Немыслимого быта
Она волной *судьбы* со дна
Была к нему прибита.

[Пастернак 1965:441]

Хэйворд и Харари перевели это на английский язык следующим образом:

In the years of trial,
When life was inconceivable,
From the bottom of the sea the tide of *destiny*
Washed her up to him.

[Pasternak 1958:489]

Но слово *destiny* как эквивалент *судьбы* вводит в заблуждение: из-за имеющихся у *destiny* оттенков оптимизма и целенаправленности возникает ощущение, что в конце концов «все наладилось» и была достигнута важная цель.

В отличие от *destiny*, *судьба* не предполагает ни «хорошего», ни значимого конца; в отличие от *fate* — ни плохого, ни бессмысленного исхода; в то же время она не является чем-то нейтральным — ни хорошим, ни плохим, подобно польскому *los*, которое мы обсудим ниже. В *судьбе* заключен намек на то, что человек может ожидать скорее чего-то плохого, чем хорошего, но в то же время это слово представляет жизнь человека скорее как непостижимую (и одновременно неподвластную его контролю), чем как бессмысленную и неизбежно трагическую. Этот аспект *судьбы* довольно точно отражен в толковании этого слова в работе Мельчука и Жолковского [1984], которое включает компонент «обычно — вопреки намерениям или ожиданиям Y-а»(ср. также [Радзиевская 1991]).

Другая любопытная особенность *судьбы* как воображаемой силы имеет отношение, так сказать, к ее онтологическому статусу, а не к характеристике по параметру «хорошее — плохое». В отличие от слов *пок*, *fate* или *destiny*, судьба не обязательно предполагает существование сил иного мира, контролирующих

жизнь человека. *Судьба* представляет жизнь как неподвластную контролю индивида, вызывая образ силы, осуществляющей контроль извне, но при этом допускает возможность того, что этот внешний контроль идет от других людей, как, например, социальная тирания или политическое угнетение, а не от потусторонних сил. Поэтому можно, например, сказать:

«Юрка Шарок — вершитель *судеб*, прокурор» [Рыбаков 1987, ч. 2:86].

«Они с Шароком вершат *судьбы* и жизни» [Рыбаков 1987, ч. 2:13].

«На одной чаше весов вы — ссыльный контрреволюционер, на другой — председатель колхоза, он сила, власть, хозяин их *судьбы*» [Рыбаков 1987, ч. 3:32].

Слово *рок* так не употребляют; и обычно так не употребляются слова *destiny* и *fate*.

Можно считать, что *судьба* имеет гораздо более эмпирический, гораздо более опытный и гораздо более приземленный характер, чем и *destiny*, и *fate*. Рассмотрим, например, следующий отрывок:

«Печальной оказалась *судьба* kota. ...одна из соседок то ли случайно, то ли с досады ошпарила его кипятком, и он умер» [Гроссман 1980:72].

«The cat came to a sad end». [Lit., «The fate of the cat was sad.»] He died after being scalded with boiling water by one of the women, perhaps accidentally, perhaps not» [Grossman 1985:120].

Слово *destiny* в этом контексте было бы нелепо, и даже слово *fate* звучало бы несколько неуместно, если только целью автора не было создание комического эффекта, поэтому Чендлер⁴ не использовал ни одного из этих слов в своем переводе.

Но в русском предложении *судьба* не звучит юмористически, поскольку *судьба* помещает в фокус хорошие или плохие вещи, которые могут с кем-то случиться (в особенности фокусируясь на плохих вещах) вне обязательной связи с действием сверхъестественных сил и без той неизбежности, которая содержится в *fate*.

В реальности слово *судьба* употребляется даже в отношении неодушевленных предметов, как свидетельствует следующий пример:

«Вчера была у Чириковых, они очень озабочены *судьбой* посылки» [Цветаева 1972:108].

Грубо говоря, *судьба* относится здесь к последовательности значимых событий, которые случаются с чем-либо и не зависят от воли человека — участника ситуации (в данном случае, от того, кто отправил посылку) и которые, весьма вероятно, окажутся плохими. Неясно, иллюстрирует ли это употребление *судьбы* другое (хотя и тесно связанное с рассматриваемым) значение или же является метафорическим использованием основного — ориентированного на человека — значения. В любом случае такое употребление высвечивает эмпирическую (а не мифологическую) направленность основного значения *судьбы*.

Тем не менее этимологическая связь *судьбы*, *судить* и *суд* актуальна и в синхронии, и причастие прошедшего времени *суждено* часто употребляется как квазисиноним *судьбы*. Это высвечивает присутствующее в концепте *судьбы* указание на «кого-то», на воображаемого судию. Этот «кто-то» обычно понимался как Бог, и связь между *судьбой* и Божьим *судом* ясно видна в старых русских текстах — таких как старый перевод Псалма 35 (цит. по [SAR 1971/1970]), ср.: «судьбы Божьи неисповедимы». В современном русском языке воображаемый судья не обязательно должен пониматься как Бог, и понятие *судьбы* совместимо и с религиозным, и с атеистическим (агностическим) мировоззрением. Тем не менее это понятие предполагает смирение и резиньяцию: следует принимать все, что бы ни случилось, как если бы это было назначено нам судом Божиим.

Эта готовность принять и смирение совершенно поразительным образом отражены в употреблении уменьшительно-ласкательного *судьбинушка*, характерного для фольклорных текстов, и в словосочетаниях типа *злая судьбинушка*. Например:

«Сокол... сокол мой любимый! Ждала я тебя дни и ночи, надеялась вскорости свидеться. Но злая *судьбинушка* разлучила нас навсегда» (Прибой. Лишний, цит. в [БАС 1963:1165]).

«Мне жребий неволи *судьбинушкой* дан» (Лермонтов. Атаман, цит. в [БАС: 1165]).

«Ой судьба ты моя, *судьбинушка*, горемыка коварная!» (Скиталец. За тюремной стеной, цит. в [БАС: 1165]).

Это любовное отношение к *судьбе*, какой бы горькой или жестокой она ни была, напоминает стоическую идею *amor fati* (любви к судьбе). Марк Аврелий говорил: «Люби лишь то, что приходит к тебе и влетено в ткань твоей *судьбы*» [1984:115]. Но в стоической версии эта «любовь к судьбе» предполагала неэмоциональное отношение, а все, что было подобно жалости к себе или другим, порицалось. В русском варианте «любовь к судьбе» сопровождает-

ся глубокой жалостью и состраданием и, можно даже сказать, любовью к страданиям.

Благодарное принятие своей судьбы, даже когда она наносит сокрушительные и с нашей точки зрения незаслуженные удары, прекрасно иллюстрируется отношением Дмитрия Карамазова к приговору, который он получает за преступление, которого не совершал:

«Понимаю теперь, что на таких, как я, нужен удар, удар *судьбы*, чтобы захватить его как в аркан и скрутить внешней силой. Никогда, никогда не поднялся бы я сам собой! Но гром грянул. Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очищусь» [Достоевский 1958:63].

Перед тем как предложить семантическую экспликацию концепта *судьбы*, я хочу привести другую, данную более ста лет назад великим русским мыслителем XIX века Владимиром Соловьевым в его эссе «Судьба Пушкина»:

«Есть нечто, называемое *судьбой*, — предмет хотя не материальный, но тем не менее вполне действительный. Я разумею пока под *судьбой* тот факт, что ход и исход нашей жизни зависит от чего-то, кроме нас самих, от какой-то преобладающей необходимости, которой мы волей-неволей должны подчиняться» [Соловьев 1990:179]⁵.

Заключая свой очерк жизни Пушкина, трагически оборвавшейся на дуэли, когда поэту было тридцать восемь лет, Соловьев пишет:

«Вот вся *судьба* Пушкина. Эту *судьбу* мы по совести должны признать, во-первых, доброю, потому что она вела человека к наилучшей цели — к духовному возрождению, к высшему и единственно достойному его благу; а во-вторых, мы должны признать ее разумною, потому что этой наилучшей цели она достигла простейшим и легчайшим в данном положении, т.е. наилучшим способом» [Соловьев 1990:205].

Соловьев преследовал этические, а не семантические цели; однако то, что для него этическая концепция жизни человека совместима с концептом *судьбы*, является важным свидетельством того, что представляет собой значение этого концепта. Вряд ли кто-нибудь мог бы сказать по-английски, что «существование *Судьбы* — неоспоримый факт» и что *судьба* великого поэта, убитого на дуэли в расцвете творческих сил, «хороша и разумна». Конечно, идеи, подобные идеям Соловьева, могут быть выражены и по-английски,

но для их выражения никто не станет употреблять слово *fate* (или *Fate*).

Теперь попытаюсь раскрыть содержание того мировоззрения, которое выражает слово *судьба*, эксплицировав его значение. Я не буду эксплицировать по отдельности использование слова *судьба* для обозначения персонифицированной воображаемой силы и его употребление в смысле истории жизни, потому что, на мой взгляд, оба эти значения выражают одно и то же мировоззрение, и именно его я постараюсь раскрыть.

судьба

- (a) с людьми случаются разные вещи
- (b) не потому что они этого хотят
- (c) человек может думать: со мной случится больше плохого, чем хорошего
- (d) человек не может думать: это не случится со мной, если я скажу «я этого не хочу»
- (e) было бы нехорошо сказать «я этого не хочу»
- (f) мне кажется, я знаю, что с людьми что-то случается, потому что кто-то говорит «я хочу этого»
- (g) мне кажется, что этот кто-то может говорить о людях то, что другие не могут сказать
- (h) я думаю: все хорошее и плохое, что случается с человеком, составляет одно целое

Вернувшись теперь ненадолго к русскому концепту *рок*, я прежде всего замечу, что в английском языке его приблизительным соответствием является не только *fate*, но и *doom*, поскольку коннотации этого слова даже более окончательны, угрожающи и тревожны, чем коннотации *fate*. Я хотела бы также подчеркнуть, что, судя по частотности употребления, концепт *рока* нельзя даже сравнивать по его значению для русской культуры с *судьбой*. В качестве иллюстрации употребления *рока* приведем следующий отрывок:

«Над этими детьми был *рок* ранней смерти. Не улыбайтесь, он есть. И Иловайский, как в мифе, может быть был только орудием. (Хронос должен пожирать своих детей.) Вина есть, когда есть ее осознание. Когда ее осознания нет, она не вина, хотя может быть и смертоносна. Иловайский же жил — в Иловайском жило непоправимое сознание правоты. Как судить непогрешимость?»

И может быть то, что всем казалось волей жить, была неволя над ним *рока*, *рок* обратный детскому, был *рок* над ним долгой жизни, как над теми — ранней смерти: долголетия, ставшего проклятием? (Сивилла, не могущая умереть)» [Цветаева 1972:554]

Я бы предложила следующую экспликацию концепта *рок. рок*

- (a) плохие вещи случаются с людьми
- (b) мне кажется, что-то плохое случается с какими-то людьми, потому что кто-то этого хочет
- (c) этот кто-то не похож на человека
- (d) можно сказать, что это не кто-то, а что-то
- (e) человек не может знать, что это такое
- (f) это не часть нашего мира
- (g) это что-то плохое
- (h) если этот кто-то или это что-то захочет чего-нибудь, это случится
- (i) человек не может думать: если я скажу «я не хочу этого», это не случится
- (j) это не может не случиться

В современном русском языке существительное *рок* звучит архаически, но прилагательное *роковой*, которое может рассматриваться как *метафорическое*, все еще употребительно и несет трагические и метафорические обертоны, которые не присущи *судьбе*. Следующий отрывок из современного газетного очерка, содержащий и существительное *судьба*, и прилагательное *роковой*, проясняет семантическое отношение между этими концептами:

«Она к тому же автоматически утратила право на койку в фабричном общежитии. Последний факт оказался роковым в *судьбе* Людмилы. ...Выход найден: отправить под крышу психушки, затем в инвалидный дом пожизненно» [Гинзбург 1988:2].

Очевидно, что в этом отрывке слово *судьба* обозначает все течение человеческой жизни, в то время как прилагательное *роковой* относится к единичному факту. Судьба не предполагает трагичности всей жизни в целом, хотя в значение этого слова входит ожидание того, что «плохие», «грустные» и с трудом переносимые события произойдут, и ощущение, что то, как сложится жизнь человека, не зависит от его воли. Напротив, *роковой* и *рок* предполагают нечто трагическое.

И *судьба*, и *рок* предполагают, что происходящее не зависит от воли человека, но *рок* при этом предполагает абсолютную, неумолимую неизбежность; и она сильнее, чем неотвратимость судьбы.

В судьбе человека даже случай может сыграть определенную роль, хотя и воспринимается как подчиненный общему замыслу. Можно, например, сказать:

«Судьба вчера свела случайно нас» (Лермонтов).
(Yesterday *fate* accidentally brought us together.)

В английском подстрочнике сочетание слов *fate* и *accidentally* звучит странно; а сочетание слов *рок* и *случайно* просто немыслимо; но в сочетании слов *судьба* и *случайно* ничего странного нет.

Рок также рассматривается как нечто произвольное и бессмысленное, как бы направляемое какой-то непостижимой, иррациональной силой. Нет смысла восставать против *рока*, потому что он абсолютен и неумолим, но и принять его невозможно. Судьбу же можно принять — как то, у чего, возможно, есть смысл, хотя этот смысл может превосходить наше понимание. Поэтому, хотя оба этих концепта — и *судьбу*, и *рок* — можно считать «фаталистическими», они представляют разные типы фатализма. «Фатализм» *судьбы*, в отличие от фатализма «рока», совместим с учением и традициями православия, сформировавшего русскую духовность, и отголоски его можно найти в одном из высочайших моральных идеалов православия — в смирении («holy resignation»).

Старая пословица, приводимая Далем [1955, т.4:623] проясняет это различие между двумя концептами: «Не *рок* слепой, премудрые *судьбы*», т.е. указания Господни. Хотя в современном русском языке *судьба* уже не обязательно воспринимается как религиозное понятие, связанное с судом Божиим, это слово все еще допускает такую интерпретацию (и некоторые мои информанты находят выражение *слепая судьба* неприемлемым).

Кроме того, даже когда *судьба* видится слепой и иррациональной, это все равно совместимо с образом судьбы, произносящего приговор, как показывает следующий пример из «Преступления и наказания» Достоевского:

«Он стыдился именно того, что он, Раскольников, погиб так слепо, безнадежно, глухо и глупо, по какому-то приговору слепой *судьбы*, и должен смириться и покориться» [Достоевский 1957:417].

Стоит упомянуть, что в русском языке есть и другие концепты, принадлежащие тому же семантическому полю, в частности *жребий* и *участь*, но они, подобно *року*, ближе к периферии. *Жребий* — поэтический архаизм (БАС характеризует это слово как *устарелое*), а *участь* — слово поэтическое; и та роль, которую эти слова играют в русском мышлении, не идет даже в сравнение со словом *судьба*. Несомненно, именно *судьба* — а не *рок*, *жребий* или *участь* — ключевой русский концепт, который постоянно упоминается и в русской литературе, и в русской разговорной

речи — как в песне Окуджавы («судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...»)

3. Польский *los*

Подобно русской *судьбе*, польский *los* может обозначать либо воображаемую силу, либо ход жизни человека, рассматриваемый через призму определенного наивного мировоззрения. Но, если *судьба* вызывает представление либо о воображаемом судье, либо о воображаемом «приговоре», слово *los* не имеет таких «судебных» коннотаций. Скорее, оно связывается с образом гигантской лотереи, на которой разным людям вытягивают разные билеты. Лотерейный билет по-польски — тоже *los*, и хотя мы должны считать /as-судьбу и /as-лотерейный билет двумя различными значениями слова *los*, эти значения, безусловно, связаны друг с другом, причем не только этимологически, но и семантически. Реальность связи между *los1* и *los2* в синхронии подтверждается примерами, подобными следующему отрывку из песни, где *los* может интерпретироваться и как *los1*, и как *los2*:

Bo taki los wypadł nam
Że dzisiaj tu a jutro tam.

Вот такой жребий выпал нам,
Что сегодня мы тут, а завтра — там.

Распространенное выражение *wygrać los (na loterii)* (выиграть в лотерею) может быть использовано для обозначения любой неожиданной удачи.

Связь между *los1* и *los2* высвечивает восприятие человеческой жизни как своего рода лотереи, в которой с разными людьми случаются разные вещи и «удача» распределяется не поровну и непредсказуемо. При этом в слове *los* нет указания на 'кого-то', кто знает результат и может его контролировать (хотя персонификация, конечно, возможна). Акцентируется непредсказуемость, а не неконтролируемость. Концепт *судьбы* предполагает мир, который контролируется кем-то, кто может решать, как сложится жизнь человека; концепт *los* предполагает мир, в котором «может случиться все что угодно».

Следует добавить, что *los2* обозначает не только институт лотереи, но также любую ситуацию, в которой тянут жребий. Само действие вытягивания жребия по-польски называется *losowanie* (инфинитив *losować*), и это слово также воспринимается как семантически связанное с *los* в значении близком *fate*, как свидетельствует следующее предложение из письма Мицкевича:

«Losowali na ten urząd i los z woli wyższej Jeżewskiego naznaczył» (цит. по [SJP 1958-69:199]).

«Они тянули жребий, кому где стоять, и жребий (*los*), Божьей волей, выпал Ежевскому».

Поэтому в каком-то смысле польский *los* ближе к римской *фортуне*, чем к *фатуму*. Сток пишет: «Fate (судьба) — зеркальное отражение Фортуны. Существует две точки зрения на жизнь; обе неразрывно связаны с человеком. С точки зрения Фортуны, все представляется неопределенным; с точки зрения fate, все предопределено» [Stock 1912:786].

Между этими точками зрения есть нечто общее — предположение, что жизнь человека зависит не от его воли, а от каких-то других факторов. Представляется, однако, что русский концепт *судьбы* ближе к Фатуму, а польский концепт *los* склоняется к точке зрения Фортуны. Такие выражения, как *zmiennie koleje losu*⁶ и *na los szczęścia* (рассчитывая на везение и надеясь на лучшее), свидетельствуют о том же. Даже официальные формулы, такие как *wypadek losowy*⁷ или *wisa losowa*, подчеркивают случайный, а не предопределенный характер событий, происходящих из-за *los*: первая формула — это термин, принадлежащий сфере социального страхования, который используется для обозначения внезапных, непредсказуемых социальных потребностей, возникших в результате несчастного случая, болезни, смерти и т.п.; второй термин обозначает особую категорию визы, которая дается без обычных задержек и ограничений в случае внезапного несчастья в семье, такого как болезнь или смерть.

Поскольку польский *los* ассоциируется скорее с лотереей, а не с залом суда, он не включает в себя представления о страдании и несчастьях, характерных для *судьбы*. «Приговор», произнесенный воображаемым судьей, может восприниматься как «хороший», если он не так плох, как можно было ожидать, но вообще говоря, от приговора ожидают скорее плохого, чем хорошего. Образ лотереи жизни не так пессимистичен. В лотерее можно потерять деньги, но возможен и выигрыш. Человеческие *losy* (множественное число) могут быть переменчивыми и непредсказуемыми, но ничто не говорит за то, что концепт *los* включает «противительный» компонент 'человек может думать: со мной случится больше плохого, чем хорошего', который входит в значение *судьбы*.

Ничто не говорит и за то, что польский концепт *los* включает несколько фаталистический компонент 'человек не может думать: если я скажу: я этого не хочу, со мной это не произойдет'. Безусловно, польский *los* представляет жизнь человека как неподвластную или не полностью подвластную его воле, и он включает такой компонент, как 'разные вещи случаются с разными людьми, не по-

тому, что кто-то хочет этого'. Но это отсутствие контроля или неполный контроль — нечто отличное от представления о высшей силе, которой невозможно противостоять.

Я предлагаю следующую экспликацию, учитывающую все эти аспекты слова *los*.

los

- (a) разные вещи случаются с разными людьми
- (b) иногда это хорошие вещи, а иногда плохие вещи
- (c) с некоторыми людьми случается больше хороших вещей, чем с другими
- (d) с некоторыми людьми случается больше плохих вещей, чем с другими
- (e) не потому, что кто-то этого хочет
- (f) человек не может думать: я знаю, какие вещи случатся со мной
- (g) это невозможно знать

Компонент (a) в этой экспликации почти идентичен компоненту (a) *судьбы*. Компоненты (b), (c) и (d), которые показывают, что хорошее и плохое распределяется между людьми неравномерно, не имеют соответствий в *судьбе*. Компоненту (e) соответствует компонент (b) *судьбы*, но сформулирован он иначе: *судьба* акцентирует то, что люди не властны над своей жизнью, в то время как *los* акцентирует то, что люди вообще не властны над человеческой жизнью. Компоненты (f) и (g) делают акцент на непредсказуемости течения жизни («везения»). Компонент (e) *судьбы*, поощряющий смирение, не имеет соответствия в *los*. Не имеют соответствий и компоненты (f) и (g) *судьбы*, которые создают образ воображаемого судии, и компонент (h), который представляет превратности человеческой жизни как единое целое [ср. Радзиевская 1991].

Еще одно различие между *судьбой* и *los*, тесно связанное с теми, которые мы уже обсудили, состоит в целостности и связности первой, которые совсем не обязательно присущи второму. Поскольку *судьба* человека уподоблена *приговору*, она рассматривается как целое, причем, вероятно, как структурированное целое, в то время как *los* гораздо чаще рассматривается как детерминированный целым рядом «случайностей». Различия концептуализации отражаются в грамматических различиях: *los* гораздо чаще, чем *судьба*, употребляется во множественном числе. Как по-английски можно с гораздо большей легкостью говорить о *fortunes* (множественное число) человека, чем о его или ее *fates*, по-польски можно говорить о *losy* (во множественном числе) человека, а еще чаще о

dalsze losy (дальнейшие «судьбы», то есть все, что случится с человеком потом, все последовательные повороты его или ее жизни).

Слово *судьба* также можно употреблять во множественном числе, но обычно не в отношении одного человека. Например, как отмечают Мельчук и Жолковский [1984], можно говорить о *судьбах* какой-то большой группы людей, о *судьбах* исторического процесса, социального, культурного или исторического явления — таких как русская интеллигенция, британский флот, средиземноморская цивилизация или народная баллада. Я попыталась учесть внутреннее единство *судьбы*, включив в экспликацию компонент 'я думаю обо всем хорошем и плохом, что случается с человеком, как о частях одного целого', и не включила подобного компонента в экспликацию слова *los*.

Концептуальные различия между *судьбой* и *los* находят отражение в использовании этих слов в фразеологизмах и в целом ряде пословиц и поговорок. В польском языке самая распространенная пословица со словом *los* — это «*kazdy jest kowalem własnego losu*»⁸ (это единственная пословица со словом *los*, которую приводит SJP). Даль [1955] приводит целый ряд пословиц со словом *судьба*. Почти все они звучат фаталистически и не имеют соответствий в польском языке. Например, «Что *судьба* скажет, хоть правосуд, хоть кривосуд, а так и быть». «*Судьба* руки свяжет». «Всякая *судьба* сбудется» (как указывает Даль, в этой пословице символически обыгрывается созвучие согласных существительного *судьба* и глагола *сбудется*).

Другая любопытная русская пословица, которую приводит Даль и у которой нет соответствия в польском языке, — это «всякому своя *судьба*». Представление о том, что *судьба* каждого человека уникальна и поэтому следует принимать ее с благодарностью, также характерно для русского человека и, по-видимому, несовместимо с образом лотереи, где каждый сравнивает то, что выпало ему, с тем, что выпало другим. Это представление о драгоценной уникальности личной *судьбы* прекрасно выражено в строчке одного из стихотворений Пастернака, в котором он смиренно просит Бога научить его «себя и свой жребий подарком бесценным твоим сознать»⁹. Под давлением русского наивного мировоззрения (лучше всего выраженного словом *судьба*) даже слово *жребий* (устаревшее ныне обозначение *судьбы*, связанное с выражением «метать *жребий*») получило коннотации чего-то священного, неповторимо личного и значимого.

Различия в употреблении слов *судьба* и *los* в фразеологизмах можно проиллюстрировать русским выражением «покоряться *судьбе*», не имеющим польского эквивалента; ближайшее к нему

польское выражение «*rogodzić się z losem*» значит буквально «поладить, примириться с судьбой».

Подобно этому, в то время как и *судьба*, и *los* могут рассматриваться как «неумолимые» (*неумолимая судьба* и *nieublagany los*), *судьба* в отличие от *los* рассматривается также как *неотвратимая* (ср. [Мельчук—Жолковский 1984:857]). Кроме того, *судьба* в отличие от *los* связана с антропоморфными образами, ср. *в руках судьбы* или *рука/перст судьбы* [Мельчук—Жолковский 1984:858]. По-польски говорят *palec Boży*, «перст Божий» (указующий, что волею Бога должно произойти), но не перст *los*. Правда, польский язык может приписывать *los* иронию или юмор (как русский язык может приписывать это *судьбе*), но он не поощряет образы целенаправленного рационального поведения, более совместимого с представлением о воображаемом судии, чем о распорядителе на лотерее жизни.

Употребительные русские выражения *волею судеб*, *волею судьбы* и *по воле судьбы* свидетельствуют о том же. Польский *los* может «желать» чего-то и способен иметь причуды (ср. *los chcial inaczej*¹⁰, «случай распорядился по-другому»; *kapryśny los*, «капризный случай»), но у него не может быть «воли». С точки зрения польского языка, волей располагает лишь Бог (или Небо). Выражения *wola Boża* или *wola Boska* (воля Божья) употребляются в польской речи очень часто, но выражение *wola losu* звучало бы по-польски странно, так как *los* приписывались бы рациональная цель и авторитет, несовместимые с такими коннотациями этого концепта, как «капризность», своевольность и случайность.

Поскольку польский *los* не предполагает никакой «высшей» необходимости, которой следует подчиняться и с которой следует смириться, он легче поддается идее о том, что человек может влиять на свою Жизнь и активно формировать ее, либо сопротивляясь своему *los* (ср. распространенное выражение *wyzywać los*, «сопротивляться *los*»), либо активно помогая ему. Последняя идея отражена в выражениях *zrobić los* или *zrobić świetny los* (*wielki los*), букв. *сделать los* или *сделать отличный/ великолепный los*, т.е. создать/ построить для себя отличную Жизнь (например, в смысле карьеры или счастливого брака).

В целом вся фразеология *los*, по-видимому, отражает этос, который оставляет больше места для активного отношения к жизни, в духе латинской поговорки «*audaces fortuna juvat*», «смелым помогает судьба», в то время как фразеология *судьбы* больше подчеркивает необходимость подчинения и смирения. Как будет показано в разделе 8, это полностью согласуется с тем, что говорили такие великие русские мыслители и писатели, как Достоев-

ский, Толстой, Чехов и Соловьев о русском «национальном этосе» и различиях между восточным типом этоса (таким как русский) и западным (одним из вариантов они считали польский этос).

4. Немецкий *Schicksal*

Словарь Брокгауза «Brockhaus Wahrig Deutsches Wörterbuch» [1983:545] указывает два различных значения немецкого слова *Schicksal*:

(1) все, происходящее с человеком и определяющее его существование, что неподвластно воле человека и не может быть им изменено; (2) сила, которая руководит жизнью человека и определяет ее ход и которая не зависит от воли человека.

Эти два употребления слова *Schicksal* аналогичны, соответственно, *судьбе* и *los*. Но какое же наивное мировоззрение выражает это слово? Можно подойти к этой проблеме, начав с анализа противопоставления римских *Фатумы* и *Фортуны*, детерминизма и индетерминизма, о которых говорилось ранее, и трактовать это противопоставление как два полюса, к которым тяготеют родственные концепты других языков. Нет сомнения, что русская *судьба* тяготеет больше к *Фатуму*, чем к *Фортуне*; не менее очевидно, что польский *los* тяготеет к *Фортуне* больше, чем к *Фатуму*. Ну а *Schicksal*?

В отличие от *los*, *Schicksal* не ассоциируется с лотереей, на которой людям выпадают самые разные жребии. Это не означает, что образ лотереи полностью чужд немецкому наивному мировоззрению, но он связан с другим немецким словом — *Los* (которое на самом деле является этимологическим источником польского *los*). Но если польский *los* — ключевой концепт рассматриваемой области, немецкий *Los* находится далеко на периферии. *Schicksal*, без всякого сомнения, главный концепт этой области (и фактически единственный общеупотребительный), и этот жизненно важный, базовый концепт никак не связывается с вытягиванием жребия.

В то же время он не ассоциируется и с образом верховного судьи, божественного или любого другого. Как это обычно формулируется в немецких словарях, *Schicksal* предполагает существование некой «eine jenseitige Macht»¹¹ [WDG 1975] или «eine höhere Macht»¹² [Duden 1980], которая определяет жизнь человека и руководит ею неким абсолютным (*bedingungslos*)¹³ образом. Неотвратимость *Schicksal* скорее напоминает бессмысленную и слепую неотвратимость русского *рока*, чем потенциально бессмысленную непреодолимость *судьбы* (которую человек может хотеть принять

как личный «дар» Бога с чувством собственного достоинства, возможным благодаря добровольному смирению).

Неотвратимость, заключенная в слове *Schicksal*, проявляется в особенностях его атрибутивного употребления, в частности в составе прилагательного *schicksalsbedingt*. Так, в WDG приводится следующая цитата из журнала «Gesundheit» («Здоровье») [1966]: «dass das Krebsleiden nicht *schicksalsbedingt* ...ist» («что рак — это не предопределенная *Schicksal* болезнь»). Другой пример подобного употребления: «nur relativ wenige Säuglingstodesfälle sind *schicksals-bedingt*, d.h. durch schwere Missbildungen und Erbkrankheiten verursacht» (журнал «Urania», 1962, цит. по [WDG 1975]), «лишь незначительное число смертей новорожденных предопределено *Schicksal*, т.е. серьезными анатомическими отклонениями и наследственными заболеваниями». Нет сомнения в том, что болезни, характеризующиеся как *schicksalsbedingt* (обусловленные *Schicksal*), — это болезни, которые невозможно предотвратить ничем.

Примечательно, что в то время, как наследственные болезни могут характеризоваться как обусловленные действием *Schicksal* (*schicksalsbedingt*), унаследованные таланты, например музыкальная одаренность, — не могут так характеризоваться. Это свидетельствует о «пессимистической» ориентации *Schicksal*, которая проявляется также в том, что хотя о *Schicksal* человека можно сказать *schreckliches* (ужасный), *trauriges* (нечальный), *tragisches* (трагический), или *schweres* (тяжелый), о нем нельзя сказать *glückliches* (счастливый) или *leichtes* (легкий).

Sie hatte ein schreckliches/schweres *Schicksal*.
У нее был ужасный/трудный *Schicksal*.

*Sie hatte ein glückliches/leichtes *Schicksal**.
*У нее был счастливый/легкий *Schicksal*.

Как абстрактная сила, *Schicksal* может быть охарактеризован как добрый или хороший по отношению к кому-то, но о личном *Schicksal* человека нельзя сказать, что он хороший или счастливый. Это тем более интересно, что по-русски можно говорить о *счастливой судьбе*, *завидной судьбе*, *талан-судьбе* (ср. [МельчукЖолковский 1984:862]. На этом основании можно сделать вывод, что если *судьба* связана с представлением о том, что в жизни человека будет больше плохих событий, чем хороших, *Schicksal* сильнее акцентирует вероятность плохого.

* В лингвистической литературе знаком * принято помечать неверное (неприемлемое) употребление. (Прим. перев.)

Тот анализ *Schicksal*, который здесь предлагается, может показаться несовместимым с наблюдениями Бруно Беттельхайма, касающимися связи нем. *Schicksal* и англ. *fate*:

«Переводчики одной из важнейших работ Фрейда, «Triebe und Triebchicksale» (1915), совершили две прискорбных ошибки. Они не только перевели *Triebe* как *инстинкты*, но и употребили вместо слова *Schicksale* (судьбы/предназначения) английское слово *vicissitudes*...¹⁴ Верно, что и *fate*, и *destiny* предполагают неотвратимость, которая не предполагается ни *Schicksal*, ни *vicissitudes*. И, безусловно, Фрейд не имел в виду, что в тех переменах, которым подвержены наши внутренние влечения, заключена какая-либо неотвратимость. Но если переводчики отвергли слово *fate* из-за ассоциирующей с ним непреложности, они могли вместо него использовать *change* (перемена) или *mutability* (изменчивость). Например, они могли бы перевести заглавие как „Drives and their mutability“, „Влечения и их изменчивость“» [Bettelheim 1983:105].

Главное, что следует уяснить здесь, — это что *Schicksale* (множественное число) не имеет импликаций неотвратимости (и, возможно, несчастья), в отличие от *Schicksal*. Русская *судьба* также теряет многие из своих импликаций, когда используется во множественном числе — как это происходит, когда говорят о *судьбах* русской интеллигенции, британского флота или французской литературы. БАС [1963:1163] раскрывает значение слова *судьба* во множественном числе как 'история существования, развития чего-либо', и такое же грубое определение могло бы быть дано *Schicksale*, хотя Беттельхайм совершенно прав, акцентируя идею «перемен». Но это множественное число, *Schicksale*, должно рассматриваться как расширение и одновременно редукция значения формы единственного числа, *Schicksal*, которое, как я готова доказывать, действительно предполагает нечто подобное неотвратимости — в том смысле, что если воображаемая сила 'хочет, чтобы что-нибудь случилось, это случится'.

В связи с этим интересно рассмотреть соотношение между *Schicksal* и случайностью (*chance*). Мы видели, что *судьба* вполне совместима со случайностью, так как может интерпретироваться как использование случайного в «высших целях». Но *Schicksal*, по-видимому, несовместим со случайностью, и, согласно моим информантам, предложение (b) звучит странно, хотя, возможно, менее странно, чем предложение (c):

- (a) *Судьба* вчера свела случайно нас (Лермонтов).
- (b) ?Gestern hat uns *Schicksal* zufällig zusammengeführt.
- (c) ??Yesterday *fate* accidentally brought us together.

Кажется, что *судьба* знает, что делает (даже когда она использует случай), и ее можно уважать и смиренно почитать.

Schicksal, по-видимому, не ведает, что творит, — даже когда он благосклонен к нам, знаки его расположения кажутся капризами, непонятными и полностью лишенными смысла. Такие выражения, как *Gunst des Schicksals* (капризная благосклонность *Schicksal*), *Ungunst des Schicksals* (капризная немилость *Schicksal*), *eine Laune des Schicksals* (причуда *Schicksal*), *ein Wink des Schicksals* (кивок *Schicksal*), свидетельствуют о том, что *Schicksal* считается капризным и своевольным, — и в этом смысле он больше похож на польский *los*, чем на русскую *судьбу*. Безусловно, некоторые выражения подобного рода возможны и с *судьбой*, но кроме них есть много других, представляющих *судьбу* в ином свете и не имеющих эквивалентов в немецком языке. Поэтому можно прийти к заключению, что *Schicksal* отражает представление о непостижимой силе, которая определяет течение человеческой жизни, причем предполагается, что она является причиной того плохого, что случается с людьми, и делает это совершенно произвольным образом.

Вначале я задавала вопрос, к чему ближе *Schicksal* — к *Фатуму* или к *Фортуне*. Краткий ответ на этот вопрос заключается в том, что *Schicksal* ближе к *Фатуму*. В некоторых отношениях, однако, он ближе к польскому *los*, чем к русской *судьбе*, поскольку не предполагает *amor fati* и акцентирует «слепоту», а не «судебное решение». Судьи могут быть справедливыми или же несправедливыми (вспомним пословицу о *судьбе*, которую мы уже приводили выше), но *Schicksal* вообще не предстает в образе «судьи», — гораздо более вероятно, что он считается, как это верно формулируют немецкие словари, *jenseitige Macht* — таинственной, сверхъестественной, внушающей страх, всемогущей, непредсказуемой и непостижимой силой (подобно непостижимому, тайному решению Бога в лютеровской теологии, ср. [Weber 1968:102]).

В этой связи интересно отметить, что в следующем контексте, где и *fate* и *судьба*, как свидетельствуют информанты, совершенно приемлемы, *Schicksal* неприемлем:

Dem Gefangenen war es niemals vergönnt den Richter zu sehen, der über sein *Los* (?*Schicksal*) Recht sprach.

The prisoner (was tried in absentia and) never even saw the judge who was to determine his fate.

Заклученному так и не было суждено увидеть судью, который должен был определить его *участь/судьбу*.

Судья может определить *fate* человека или его *судьбу*, но не его *Schicksal*, потому что, как я полагаю, для этого *Schicksal* ощущается слишком сверхъестественным и таинственным. Я предлагаю следующую экспликацию.

Schicksal

- (a) с людьми случаются разные вещи
- (b) не потому, что они этого хотят
- (c) с одними людьми случается больше плохого, чем с другими
- (d) человек может думать: со мной случится плохое
- (e) мне кажется, что хорошее и плохое случается с людьми потому, что кто-то этого хочет
- (f) этот кто-то не похож на человека
- (g) можно сказать, что это не кто-то, а что-то
- (h) оно не является частью этого мира
- (i) если это что-то хочет чего-то, это не может не случиться

Компоненты (a), (b) и (c) объединяют *Schicksal* с *судьбой* (хотя пессимистические ожидания, которые отражает компонент (d) слова *Schicksal*, сильнее, чем те, которые отражает компонент (c) *судьбы*). Компоненты (e), (f), (g), (h) и (i) связывают *Schicksal* с *роком*. Но *рок* рассматривается определенно как нечто 'плохое' ('это что-то плохое'), чего нельзя сказать ни о *Schicksal*, ни о *судьбе*. Более того, неотвратимость *Schicksal* не обязательно предполагает неотвратимость именно *плохого*, что имеет место в случае *рока*. Она не сочетается со смирением перед лицом судьбы, которое отражает компонент (e) в экспликации *судьбы*; не связывается с образом судьбы (компонент (g) *судьбы*) или с представлением о связанном экзистенциальном целом (компонент (h) *судьбы*). Компонент (c) в экспликации *Schicksal* указывает на его «капризность» и связывает его с польским *los*. Но компоненты (e) и (d) польского *los*, подчеркивающие его непредсказуемость, отсутствуют в экспликации *Schicksal*, подчеркивающей скорее неотвратимость, чем непредсказуемость.

Наконец, следует указать, что у *Schicksal* нет экзистенциального и эмпирического звучания *судьбы*, из-за которого *судьба* практически отождествляется с жизнью. Так, сухая вступительная статья к сборнику немецкой поэзии вряд ли могла бы быть озаглавлена «Rainer Maria Rilke. (*Schicksal*. Personality. Poetry)», подобно тому, как озаглавлено вступление ученого к русскому изданию [Орлов 1965]: «Марина Цветаева. *Судьба*. Личность. Поэзия». *Schicksal* — это нечто особое, в то время как *судьба* и есть сама «материя» человеческого существования, и в русском языке она принята как единственно возможный способ восприятия челове-

ской жизни (вспомним, что по Соловьеву это неоспоримый «факт»). Язык свидетельствует о том, что в отличие от *судьбы Schicksal* не занимает центрального места в немецком видении жизни. *Schicksal* — общеупотребительное немецкое слово, но по частотности употребления оно несопоставимо с *судьбой*. И *судьба*, и *Schicksal* представляют жизнь человека как то, что человек не может полностью контролировать и что контролируется «высшими силами»; но *судьба* предполагает, что это «нормальная» точка зрения на человеческую жизнь, а *Schicksal* — что это «особый», мифологический взгляд на нее. Я попыталась раскрыть этот аспект слова *Schicksal* с помощью компонентов (e), (g) и (h) в экспликации его значения.

В подкрепление проведенному здесь анализу *Schicksal* приведу три отрывка из работы Эриксона «Легенда о детстве Гитлера» [Erickson 1963, ch. 9]. Эриксон обращает внимание на ту огромную роль, которую играет *Schicksal* (он переводит это слово как *Fate* с большой буквы) в автобиографии Гитлера в «Mein Kampf» (см. также [Guardini 1961:186]):

«Имперско-германская сказка повествует не просто о том, что Гитлер родился в Браунау, так как там жили его родители; нет, то была «Судьба, которая определила место моего рождения». Это случилось тогда, когда случилось, не потому, что таков был естественный ход событий; нет, то, что он «родился в период между двумя войнами, который был временем спокойствия и порядка», было «незаслуженно гнусной проделкой Судьбы». Когда он был беден, «Бедность душила меня в своих объятиях», а когда он был грустен — «Дама печаль была моей нареченной матерью». Но всю эту «жестокость Судьбы» он позже научился восхвалять как «мудрость Провидения», ибо она закалила его для службы Природе, «жестоккой Королеве всей мудрости».

Когда разразилась мировая война, «Судьба благосклонно позволила» ему стать немецким солдатом-пехотинцем, и это была та самая «неумолимая Богиня Судьбы, которой войны нужны, чтобы узнавать цену нациям и мужчинам». Когда после поражения он предстал перед судом, защищая свои первые революционные поступки, он был совершенно уверен, что «Богиня Истории с улыбкой перечеркнет решение судей своим вечным судом».

Судьба — то предательски сокрушающая надежды героя, то милостиво угождающая его героизму и перечеркивающая решение гнусных старикашек, — вот тот инфантильный образный ряд, который наполняет немецкий идеализм» [Erickson 1963:339].

Согласно Эриксону, *Schicksal* (которое он в этом контексте переводит как *destiny*) имеет в немецком мышлении магический смысл. Он пишет:

«В конце Первой мировой войны Макс Вебер писал, что судьба (*destiny*) повелела (даже реалистически мыслящий немец пишет «судьба», а не «география» или «история»), чтобы лишь у одной Германии ближайшими соседями были три великих державы на суше и одна величайшая держава на море и чтобы Германия оказалась у них на пути. Ни одна другая страна в мире, утверждал он, не была в такой ситуации.

С точки зрения Вебера, необходимость создавать величие и безопасность нации в ситуации, когда страна была окружена со всех сторон и легко уязвима, не оставляла альтернатив...» [1963:345].

Переводя здесь *Schicksal* словом *destiny*, Эриксон вызывает неверные ассоциации, поскольку то, что Вебер имел в виду, было чем-то «плохим» и «неизбежным» («окружена со всех сторон и легко уязвима»), что резко отличается от того, что имплицитно *destiny* в английском языке (см. ниже). Однако, согласно Эриксону, в немецкой национальной мифологии идея *Schicksal* прекрасно сочеталась с идеей о том, что немцы являются «избранной нацией». Например, после поражения 1918 г. возникло ощущение, что

«Судьба послала Германии поражение, чтобы выделить ее среди других наций. Судьба выбрала ее быть первой великой страной, добровольно принявшей поражение... Даже в глубинах мазохистского самоуничтожения — столь впечатляюще осужденного Максом Вебером — мировая история все равно воспринималась как тайное соглашение между тевтонским духом и Богиней Судьбы» [1963:350].

Из приведенных отрывков не следует делать вывода о том, что идея *Schicksal* связывается с целыми нациями, а не с отдельными людьми. *Schicksal* в первую очередь связан с отдельными людьми. Но то, как этот концепт используется применительно к нациям, позволяет понять некоторые его трудно уловимые аспекты и, в особенности, существенные различия между верой в *Schicksal* (неотвратимый, сверхчеловеческий и внушающий ужас), с одной стороны, и, с другой стороны, тем, что Соловьев и другие считали «фатализмом по-русски»: поощряющим униженное смирение, непротивление и пассивность, а не целенаправленное, возможно даже фанатичное действие. По-видимому, концепт *судьбы* отражает ту неохотную идеализацию «сильной и своевольной власти» [Dicks

1952:169], которую исследователи России считают одной из самых характерных ее особенностей. *Schicksal*, напротив, предполагает таинственную и неумолимую силу иного мира, а не «неохотно идеализируемую власть».

5. Итальянские *destino* и *sorte*

Самое распространенное итальянское слово, которое употребляется для обозначения чего-то подобного немецкому *Schicksal* или русскому *судьба*, — это *destino*. Девото и Оли [Devoto, Oli 1977] предлагают следующее определение этого концепта: «трудноуловимый комплекс причин, представляющихся определенными или определяющими (в настоящем или в будущем) события, которые имеют решающий характер и не могут быть изменены».

Это определение почти тождественно большинству определений *Schicksal* в словарях. Однако существует достаточно оснований считать, что в действительности *destino* передает другой концепт.

Во-первых, в итальянском языке есть два других слова, словарные толкования которых похожи на толкования *Schicksal*, — это *fato* и *sorte* (не говоря о *fortuna*, которое ближе к английскому *luck*, «удача»), и поскольку эти четыре итальянских слова не всегда взаимозаменяемы, они не могут быть все точными эквивалентами *Schicksal*. Девото и Оли [1977] определяют *fato* как «*destino*, рассматривающееся как высшая и неотвратимая необходимость или как таинственная и непреодолимая сила». Этот особый акцент на неотвратимости *fato* заставляет предположить, что в каких-то отношениях этот концепт ближе к *Schicksal*, чем *destino*.

В другом отношении, однако, *Schicksal* ближе к *destino*, а не к *fato*, поскольку *fato* используется, главным образом, когда речь идет об абстрактной силе, а не об индивидуальной человеческой жизни, в то время как *destino* — подобно *Schicksal* и *судьбе* — часто используется именно для этого, причем *destino* подчеркивает индивидуальную неповторимость жизни каждого человека.

Что касается *sorte*, то Девото и Оли [1977] определяют этот концепт как «безличную силу, которая, как считается, непредсказуемым образом регулирует течение событий человеческой жизни» и как «любое состояние, которое считается вызванным случайностями, не зависящими от человеческой воли, или фатальным и неумолимым ходом событий». Несмотря на употребление прилагательного *фатальный*, основной акцент в этом случае падает на невозможность предсказать или предвидеть события человеческой жизни, а не на их неизбежность.

Но картина, которую рисуют словари, туманна, и приведенные определения не вполне проясняют отношения между *destino*, *fato* и *sorte* (хотя и содержат много ценных указаний).

Когда мы сравниваем абстрактную силу *fato* с абстрактными употреблениями *sorte* и *destino*, мы замечаем не только больший акцент на неотвратимости, но также внутреннюю ориентацию на «плохое» — пусть не такую сильную, как у русского *roka*, но более сильную, чем у немецкого *Schicksal*. Неотвратимость и беспощадность *fato* ясно ощущаются в стихотворении Леопарди (цит. по [Guardini 1961:170]):

Al gener nostro il fato
Non dono che il morire. Ormai disprezza
Te, la natura, il brutto
Poter, che, nascosto, a comun danno impera,
E l'infinita vanità del tutto.

To humankind fate has decreed nothing but Death.
Scorn now thyself, and Nature, and that brutal power
That, hidden, governs to the universal hurt,
And the infinite vanity of all thing¹⁵.

(перевод А.Вежбицкой)

Следует учитывать, однако, что зловещий концепт *fato* в современной итальянской культуре маргинален и что в современном итальянском языке слово *fato* отнюдь не общеупотребительно. *Destino* и *sorte*, напротив, широко употребляются и отражают две альтернативных точки зрения на человеческое существование, в равной степени принятые данной культурой. При этом *destino*, безусловно, распространено в большей степени (значимость этого утверждения будет раскрыта ниже).

Тем не менее, как отмечает Чингарелли [Zingarelli 1970], человек может «верить или не верить в *destino*», из чего можно сделать вывод, что, в отличие от русской *судьбы* или польского *los*, идея *destino* не принимается как сама собой разумеющаяся «нормальная» точка зрения на человеческую жизнь (в *судьбу* или *los* нельзя *верить* или *не верить*, как нельзя *верить* или *не верить* в *жизнь*). С другой стороны, *sorte* принимается как нечто само собой разумеющееся, поскольку нельзя «верить или не верить в *sorte*» (как нельзя *верить* или *не верить* в *судьбу* или *los*).

Чтобы найти различие между *sorte* и *destino*, позволяющее объяснить, почему в *sorte* верить можно, а в *destino* — нельзя, рассмотрим следующие примеры:

His destiny (*fate) was to become a great leader [*destino*, *sorte].

Ему было *суждено* стать великим вождем.

His fate was life imprisonment [*sorte*, ?*destino*].

Судьба уготовила ему пожизненное заключение.

Как показывают различия в допустимости употребления этих слов, *sorte* — эмпирический концепт, который обозначает то, что в действительности случилось; он не может использоваться для обозначения того, что 'могло бы случиться'.

Sorte не может рассматриваться как предопределенность или как некий замысел, поскольку, в отличие от *destino*, принадлежит, главным образом, к области случайного. Подобно польскому *los*, *sorte* предполагает нечто вроде лотереи жизни (а выражение *tirare a sorte* означает «тянуть жребий»). *Destino* же несовместимо с подобным представлением и вообще с идеей случая. Отсюда следующее противопоставление:

We didn't meet by chance: it was fate/destiny that brought us together [*destino*, *sorte].

Мы встретились неслучайно: сама *судьба* свела нас.

Чингарелли [Zingarelli 1970] характеризует *destino* как «не зависящее от человеческой воли» («*indipendente dalla volontà umana*»), а Девото и Оли [Devoto, Oli 1977] характеризуют *sorte* как «случайности, независимые от человеческой воли» («*contingenze indipendenti dalla volontà*»). Но эти характеристики, как показывают следующие примеры, искажают действительное положение вещей:

(a) Буш и Горбачев обладают властью, позволяющей определять судьбу (*fate*, *destino*, *sorte) миллионов людей.

(b) Дело заключенного рассматривалось в его отсутствие (*in absentia*), и он даже не увидел судьи, который должен был определить его судьбу (*fate*, *sorte*, ?*destino*).

(c) Она думает, что мы — хозяева своей судьбы (*fate/destiny*, ? *sorte*, *destino*), но я не согласен.

Предложения (a) и (b) показывают, что и *destino*, и *sorte* могут рассматриваться как детерминированные в каком-то смысле волей человека, в то время как предложение (c) показывает, что лишь *destino*, но не *sorte*, может трактоваться как детерминированное ею.

Различия в поведении *destino* и *sorte* в предложениях (a) и (b) на первый взгляд кажутся таинственными. Если судья может

определить *sorte* одного заключенного, почему Буш и Горбачев не могут определить *sorte* миллионов людей, при том что они могут определить их *destino*? Но на самом деле между этими примерами нет полной аналогии. Одно различие может быть передано с помощью противопоставления слов *определять* и *предопределять* (*determine* и *predetermine*). Судья может определить судьбу заключенного, но не предопределить ее (т.е. определить заранее все существенные события). Напротив, Буш и Горбачев могут восприниматься как предопределяющие будущее «миллионов людей» задолго до его наступления. Другое различие связано со степенью специфичности того, что определяется. Судья выносит подсудимому очень специфический приговор, который может рассматриваться как нечто весьма конкретное, что произойдет с подсудимым. В отличие от этого, Буш и Горбачев не могут определить будущее миллионов людей с той же степенью специфичности и конкретности.

Те же два (взаимосвязанных) различия между *sorte* и *destino* присутствуют в образах вытягивания жребия (*drawing lots*) и движения к определенному «пункту назначения» (*destination*). «Пункт назначения» находится в будущем, и дорога, которая к нему ведет, не должна быть определена в деталях; жребий же тянут в определенное время, и жребий, который вытягивает человек, имеет вполне определенную ценность.

Идея «направления», внутренне присущая *destino*, подкрепляется также выражением *seguire il proprio destino*, «следовать своей собственной *destino* (судьбе)», которое приводят и Чингарелли [Zingarelli 1970], и Девото и Оли [Devoto, Oli 1977]. Нельзя подобным же образом * *seguire la propria sorte*, «следовать своей *sorte*», потому что у *sorte* нет никакого постоянного направления. *Sorte* скорее связывается с отдельными событиями, а не с тем, как они развиваются в целом (ср. *per mala sorte*, «к несчастью»), в то время как *destino* относится либо к общему ходу событий (к воображаемой «линии» жизни человека), либо к одному «судьбоносному» событию, которое может определить эту линию. *Sorte* изменчива (*nella buona e cattiva sorte* — «хорошая и плохая *sorte*»), хорошие и плохие полосы жизни, не зависящие от воли человека, — выражение из обряда бракосочетания¹⁶), в отличие от *destino*, который не рассматривается как изменчивый и вызывает, скорее, образ линии, а не зигзага.

Связь *sorte* — но не *destino* — с противопоставлением «хорошего» и «плохого» («*buona e cattiva sorte*») свидетельствует о том же. *Sorte* представляет человеческую жизнь как последовательность хороших и плохих событий, которые распределяются неравномерно и непредсказуемо (хотя в современном употреблении от *sorte* чаще ожидают плохого). *Destino* же представляет жизнь

как путешествие в духе первой строки «Божественной комедии» Данте: «Nel mezzo del cammin di nostra vita...» — «Земную жизнь пройдя до половины...» Во время такого путешествия с путником случается множество вещей, которые трудно квалифицировать как хорошие или плохие. Метафора путешествия полезна здесь еще и потому, что она не представляет жизнь как совершенно независимую от воли человека. *Sorte* предполагает, что с нами случается и плохое, и хорошее, и это полностью независимо от нашей воли (в особенности это касается плохого); *destino* же отражает представление о том, что наша жизнь идет в определенном направлении и что мы сами идем в определенном направлении. И поэтому в *destino* есть место для идеи о том, что ход «путешествия» отчасти зависит от нас самих.

У *destino* нет меланхолического звучания *судьбы* или *Schicksal*, и *destino* не предполагает смирения. Например, в 1985 г. в итальянском журнале «Kiss» («Поцелуй») был напечатан так называемый *foto-romanzo* (фотороман) «*Destin*» (множественное число) в жанре мыльной оперы, рисовавший человеческие жизни с точки зрения того, кто в кого влюбился, у кого с кем роман, кто на ком женился и с кем развелся, кто получил наследство, кто упивался приключениями в джунглях Бразилии и т.д. Если бы существовал русский роман под названием «*Судьбы*», он не мог бы быть посвящен подобным проблемам. В «*Судьбах*» не шла бы речь только о «плохом», но роман с таким названием, безусловно, повествовал бы о несчастьях и других вещах, которые происходят с людьми вопреки их желаниям, и это означало бы, что течение человеческих жизней не зависит от человеческой воли. Название «*Schicksal*» тоже акцентировало бы несчастья и превратности жизни и одновременно вызывало бы представление о чем-то необычном, драматическом и непредсказуемом (как в выражении «*die Schicksale der Flüchtlinge*», «судьбы беженцев», которое приводится в [Collins 1980]).

Можно добавить, что хотя *sorte* (как и *судьба*) подчеркивает скорее плохое, чем хорошее, у него есть «положительный» аналог — концепт *fortuna*, имеющий, по-видимому, более широкое распространение, чем английское *luck* или русское *счастье* (в значении «удача»). Так, например, по-итальянски людям можно пожелать *Buona fortuna!* («Удачи!») вообще (ср. английское All the best!), в то время как русское *счастье* или английское *luck* так не употребляются. Например:

Addio, caro amico... *Buona fortuna* a lei e a suoi cari [Bassani 1980:106].

До свидания, дорогой друг... Всего самого лучшего (??good luck) тебе и твоим близким.

Можно добавить также, что с развитием итальянского языка роль *destino* постепенно растет, а роль слова *sorte* уменьшается (настолько, что некоторые информанты воспринимают формулу бракосочетания «nella buona e cattiva *sorte*», «в радости и в горе» как несколько архаичную). По данным информантов, *sorte* намного чаще употребляется в Южной Италии (бедной и аграрной), чем на (процветающем индустриальном) Севере. Это заставляет предположить, что более активное и динамичное *destino* выражает более современные представления, чем *sorte*, и что его растущая роль отражает более современные ситуации жизни, характеризующиеся большей мобильностью и предоставляющие больше личных возможностей.

Гиппер [Girrer 1976] указывает, что концепт времени в аграрных обществах отличается от современной западной идеи времени. Современное западное время линейно, и оно движется вперед; время в традиционных крестьянских обществах «циклично» и, добавим, более статично. То, что касается восприятия времени, в целом применимо также к восприятию человеческой жизни.

Если о человеческой жизни говорят в терминах *destino*, это значит, что она рассматривается как линейная по своей сути и движущаяся вперед. Напротив, такие концепты, как *sorte* (или английский *lot*, немецкий *Los* или польское народное *dola*, «доля») статичны: они представляют жизнь человека как данность определенного рода, а не как движущуюся вперед и полную возможностей. Тот факт, что такие статичные концепты, как *sorte*, *lot*, *Los* и *dola* в целом выходят из употребления в Европе, возможно, отражает социальные изменения и изменения культурных экспектаций. Явные различия между Северной и Южной Италией в этом отношении делают эту взаимосвязь совершенно очевидной.

Я предлагаю следующие экспликации значений слов *destino* и *sorte*.

destino

- a) с разными людьми могут случаться разные вещи
- b) не потому, что они этого хотят
- c) мне кажется, я знаю, что кто-то этого хочет
- d) я воображаю, что я знаю, что этот кто-то может сказать о человеке: «эти вещи случаются с ним, одна вслед за другой»
- e) этот кто-то не является частью этого мира

sorte

- a) с людьми случаются разные вещи
- b) не потому, что кто-то этого хочет
- c) человек может думать: со мной случится больше плохого, чем хорошего

- d) человек не может думать: я знаю, что случится со мной
- e) человек не может знать этого

Проводя различие между вещами, которые 'случаются' (*sorte*) и 'могут случаться' (*destino*), мы пытаемся передать ощущение открытости возможностей, содержащееся в *destino*, но отсутствующее в *sorte*. Выражение 'одна за другой' отражает попытку передать линейную концепцию жизни. Выражение 'мне кажется, я знаю, что кто-то этого хочет' наделяет *destino* воображаемой интенциональностью и потенциальным значением.

6. Французские *destin* и *sort*

Во французском языке два главных слова рассматриваемой области — это *destin* и *sort*. Оба эти слова общеупотребительны и близки по значению к итальянским *destino* и *sorte*. Заслуживает внимания, однако, тот факт, что хотя два этих ядерных концепта близки своим итальянским соответствиям, более маргинальные французские концепты отличаются от итальянских слов.

В современном французском языке нет эквивалента итальянскому *fato*, но зато есть слово *destinée*, которому (в его современном значении) нет итальянского соответствия. Эти вполне ясные различия между маргинальными концептами *fato* и *destinée* помогут нам увидеть некоторые, возможно, имеющие место различия между ядерными концептами (*destin* и *destino*, *sort* и *sorte*), хотя они, без сомнения, очень близки, как показывают следующие параллели в приемлемости.

(a) Дело заключенного рассматривалось в его отсутствие, и он даже не увидел судьи, который должен был решить его судьбу [*sort*, ?*destin*; ср. *sorte*, ?*destino*].

(b) Помпею постигла ужасная судьба [*sort*, ?*destin*; ср. *sorte*, ?*destino*].

(c) Злобный людоед заслуживал такой судьбы [*sort*, ?*destin*; *sorte*, ?*destino*].

(d) На карту поставлена судьба наших детей. Мы должны прекратить загрязнение окружающей среды [*destin*, ?*sort*; ср. *destino*, ?*sorte*].

(e) Мы встретились не случайно. Сама судьба (*fate/destiny*) свела нас [*destin*, ?*sort*; ср. *destino*, ?*sorte*].

Для того чтобы установить, отличаются ли *destin* и *sort* от *destino* и *sorte*, необходим очень детальный анализ. Вполне воз-

можно, однако, что хотя семантическое развитие этих понятий в итальянском и французском языках шло в одном и том же направлении, французский язык пошел дальше, чем итальянский. Так, если *sorte* ассоциируется скорее с плохим, чем с хорошим, *sort* тяготеет к плохому еще сильнее. Если по-итальянски все еще можно говорить — пусть лишь в клишированной речи — о *buona sorte* и *cattiva sorte*, информанты-французы считают выражение *le bon sort* чрезвычайно странным, в то время как *le mauvais sort* весьма употребительно.

Далее, если итальянское *destino* стало употребляться более активно и в более положительном смысле, чем раньше, это еще в большей степени относится к французскому *destin*. Это предположение подтверждается тем, что из тех трех значений *destin*, которые отмечаются словарем «Le grand Robert» [1986], третье, которое может быть охарактеризовано как активное и позитивное, иллюстрируется только текстами XX века, в то время как первые два, не имеющие этих положительных оттенков значения, широко иллюстрируются текстами XVII, XVIII и XIX веков.

Это не означает, однако, что *destin* и *sort* стали симметричны во французском языке, подобно тому, как прилагательные *lucky* и *unlucky* симметричны в английском. Значительное сходство употреблений французского *sort* и итальянского *sorte* заставляет предположить, что *sort* также более эмпирический концепт, имеющий отношение к тому, что 'просто случается' с людьми, и к тому, как распределяется случай, в то время как *destin* скорее ассоциируется с воображаемым 'замыслом' или воображаемым 'предназначением'. Но, если итальянцы все еще могут рассматривать случайные события с точки зрения лотереи жизни, в которой человеку может выпасть и плохое, и хорошее (так же смотрели на это французы в XVII-XVIII веках), современный француз относится к случайным событиям с большим подозрением и связывает 'хорошее' с тем, что человек может планировать, выбирать и на что он может как-то влиять своей волей, а не с каким-либо капризом случая.

Третье, явно самое новое значение *destin*, которое отмечает «Le grand Robert», раскрывается следующим образом: «Течение жизни, рассматриваемое как поддающееся изменению со стороны того, кто ее проживает». Сравнение этого значения с первым: «Сила, которую считают способной определять ход событий необратимым образом», — приводит к заключению о том, что переход от исходного значения к современному весьма примечателен и имеет множество культурных импликаций (см. раздел 8).

Отмеченные изменения в значениях *sort* и *destin* оказываются взаимосвязанными: изменение экспектаций, ассоциирующихся с

sort (от 'непредсказуемого, хорошего или плохого' — к 'непредсказуемому и нежелательному'), идет параллельно с изменением экспектаций, ассоциирующихся с *destin* (от 'необратимых и не зависящих от воли человека' — к 'частично зависящим от воли человека и поэтому представляющим сферу личной свободы и ответственности'). Этот современный взгляд на *destin* отражен в следующем отрывке из работы Даниэля-Ропса (Daniel-Rops, цит. по [Le Grand Robert]):

«Ce dont chacun de nous est responsable, ce n'est pas d'un destin anonyme, c'est de son propre destin, reflet temporelle de son éternité. Lorsque les hommes renoncent à considérer leur destin personnel comme quelque chose dont ils sont responsables, les destins du siècle fléchissent et mènent le monde aux faillites».

«Каждый из нас несет ответственность не за какую-то анонимную судьбу (*destin*), но за свою личную судьбу (*destin*), временное отражение нашей вечности. Когда люди перестают рассматривать свою личную судьбу (*destin*) как то, за что они несут ответственность, судьбы (*destins*) эпохи гаснут, и это ведет мир к катастрофе».

Ср. следующий пример из текста XX века:

«L'humanité... allait pouvoir de nouveau travailler à se faire un destin meilleur» (Martin du Gard, цит. по [Ramage 1904]).

«Человечество собиралось еще раз стать способным создать себе лучшую *destin* (судьбу)».

Интересно, что заглавие романа Мориака [Mauriac 1983 (1928)] «*Destins*» («Судьбы») было переведено на английский язык как «*Lines of life*» («Линии жизни») [Mauriac 1957].

Совершенно ясно, что *fâtes* (множественное число) воспринимался как неприемлемый перевод — потому что под *destins* имеются в виду «линии жизни», зависящие не только от обстоятельств, неподвластных человеку, но и от его собственного выбора.

Третье французское слово из рассматриваемой нами области, *destinée*, прошло эволюцию, подобную *destin*, но результат ее еще более «позитивен». В старых текстах *destinée* часто выглядит как сила, полностью независимая от человеческой воли, например:

«C'est notre *destinée* d'être soumis aux préjugés et aux passions» [Voltaire, 1769].

«Такова наша *участь* — быть подверженными предрассудкам и страстям».

«Nous sommes... les jouets de la *destinée*» [Voltaire, 1769].

«Мы — игрушки *судьбы*».

«L'essentiel, pour être le moins mal possible, est de se soumettre à sa *destinée*» (D'Alembert).

«Чтобы причинить как можно меньше зла, главное — покориться своей *судьбе*».

Но в текстах XIX века начинает звучать другая нота, например:

«La providence s'écrit souvent en toutes lettres dans la *destinée* des grands hommes» (Victor Hugo).

«Часто в *судьбах* великих людей ясно виден почерк Провидения».

«Vous êtes promis à de plus haute *destinée*» (Stendhal).

«Вы предназначены для высокой *судьбы*».

«Mon père se faisait de l'âme humaine et de sa *destinée* une idée sublime il la croyait faite pour les cieux; cette foi le rendait optimiste» (Anatole France).

«У моего отца было очень возвышенное представление о душе человека и о ее *предназначении*: он верил, что она создана для небес, и эта вера делала его оптимистом».

Тексты XX века представляют *destinée* в значительной степени зависящей от воли человека, например:

«...pour ce qui ne dépend pas de nous, notre manière d'y réagir est l'expression de notre caractère même; et là encore, nous modelons la *destinée*» (François Mauriac).

«...что касается того, что от нас не зависит, то наша манера реагировать на это — выражение нашего характера, и даже здесь мы формируем нашу *судьбу*».

В чем же тогда заключается различие между *destinée* и *destin*? Представляется, что в каком-то смысле *destinée* — более «славный» или «высокий» вариант *судьбы*. По-видимому, важно, что в приведенных словах Виктора Гюго *destinée* связана с жизнями «великих людей». В современном французском языке эта связь выражена еще более отчетливо: хотя *destin* есть у каждого, отнюдь не у всех есть *destinée* — точно так же, как по-английски, хотя у каждого человека есть *life* (жизнь), совсем не всякий имеет *destiny* (судьба). *Destinée*, подобно *destiny*, хотя и не до такой степени, указывает на «высокое». И если *destin* все еще близко итальянскому *destino* (экзистенциальному, но не детерминистскому, и потенциально значимому), *destinée* еще более явно значимо, свободно

и ориентировано на определенную цель (а не слепыми причинами). В данном контексте я ограничусь тем, что предложу следующие экспликации для самых употребительных концептов *destin* и *sort*.

destin

- (a) с разными людьми могут случаться разные вещи
- (b) мне кажется, я знаю, что кто-то может сказать о человеке: «эти вещи случатся с этим человеком, одна вслед за другой»
- (c) мне кажется, что этот кто-то хочет этого
- (d) этот кто-то не является частью этого мира

sort

- (a) с людьми случаются разные вещи
- (b) не потому, что кто-то хочет этого
- (c) человек может думать: со мной случатся плохие вещи
- (d) человек не может думать: я знаю, что случится со мной
- (e) человек не может знать этого

Эти определения очень близки определениям *destino* и *sorte*, но есть и некоторые различия: *destin* не включает компонент 'не потому, что они хотят этого', который приписан *destino*, и поэтому это слово предполагает большую степень потенциальной власти человека над своей жизнью; а *sort* включает негативный компонент, который сформулирован более сильно, чем соответствующий компонент *sorte* ('человек может думать: со мной случатся плохие вещи' versus 'человек может думать: со мной случится больше плохих вещей, чем хороших').

7. Английские *fate* и *destiny*

Картина, которую мы наблюдаем в современном английском языке, самым примечательным образом отличается от того, что мы находим в других, рассмотренных выше европейских языках. Два английских слова, которые нас интересуют, — это *fate* и *destiny*. Ни одно из них не употребляется в повседневной речи, подобно *судьбе*, *los*, *Schicksal*, *destino* и *sorte*, *destin* и *sort*; и то, что в английском языке нет такого общеупотребительного разговорного слова, само по себе удивительно. Специфическая семантическая нагрузка *fate* и *destiny* тоже весьма примечательна.

Неплохой отправной точкой для обсуждения этой темы может служить следующий отрывок из «Истории Польши» Нормана Дэвиса: «В конечном счете судьба (*fate*) Польской Народной Республики не имеет особого значения: эта страна прогнила до самой сердцевины. Но судьба (*fate*) самих поляков должна беспокоить»

всех. То, как определилась участь (*destiny*) Польши в ходе конфликта в Европе, — один из немногих наглядных примеров того, какая участь (*destiny*) припасена для всего остального континента» [Davies, 1984:462].

Английские словари, как правило, совершенно теряются, когда необходимо объяснить, чем *destiny* отличается от *fate*. Так, SOED [1964] предлагает довольно убогое определение *destiny* как «того, чему суждено случиться; *fate*» [sic!], в то время как LDOTEL [1984] информирует нас, что *fate* — это «*destiny* или *fortune*, явно предопределенные судьбой [*fate*]» [sic!]. Напротив, в старом словаре синонимов Чарльза Смита [1903] очень много глубоких наблюдений (и очень обидно, что к нему не обращались современные лексикографы). Цитирую:

«Идея *destiny* (предназначения/предопределения) включает представление о величии и неизменности. Она применима не к обыденным вещам, личностям или деталям жизни, но лишь к ее (явной) цели и завершению... Любой человек может говорить о своей *fate* (судьбе) или *lot* (доле, участи); но лишь те, кто проходит значительный путь, могут говорить о *destiny* (предназначении/предопределении). Слово *fate* редко используется с положительным оттенком смысла, например: «Во время поездок моя *fate* (судьба) почти всегда сталкивается с задержками». До тех пор, пока ситуация, в которой находится человек, является результатом действия неосознанных причин, каковыми являются законы материального мира, мы говорим о его *fate*. В той степени, в какой мы приписываем его положение установлению более могущественных существ, мы говорим о его *destiny*. *Fate* слепа; *destiny* обладает способностью к предвидению» [Smith 1903:319].

Fate — детерминистский концепт. Он употребляется по отношению к вещам, которые «случаются», и представляет их неизбежными и необратимыми, неконтролируемыми и предрешенными предшествующими событиями. Однако этот акцент на необратимости и неконтролируемости очень резко отличается от того, что акцентируется в немецком *Schicksal*. Слово *fate* в современном английском употреблении не предполагает за событиями некую непостижимую тайну; и если у этого слова и есть какие-то остаточные коннотации, связанные с представлением о существовании потустороннего мира, они относительно слабы. От этого слова веет английским эмпиризмом и скептицизмом, атмосферой идей Гоббса, Юма и Локка, и оно совершенно органично вписывается в контекст научного дискурса. Так, в библиотечном каталоге мы встречаем, среди прочих, следующие названия книг: *The fate of drugs in the organism* (Наркотики в организме человека), *Fate of pesticides in*

the environment (Пестициды в окружающей среде), *The fate of fossil fuel CO₂ in the ocean* (Что происходит с окаменелым топливом CO₂ в океане) и *Fate of pollutants in air and water environments*¹⁷ (Что происходит с загрязняющими веществами в воздушной и водной среде). Нельзя представить себе, чтобы слова *судьба, los, Schicksal, destino, sorte, destin* или *sort* употреблялись подобным образом. В том же каталоге заглавия, начинающиеся с *Schicksal*, имеют совершенно иную направленность: *Schicksal und Wunder* (Рок и чудо); *Schicksal und Wille in den Märchen der Bruder Grimm* (Рок и желание в сказках Братьев Гримм); *Schicksale und Abenteuer* (Судьбы и приключения) и т. п., — все суждения моих информантов свидетельствуют о той же тенденции.

Фактически, даже заголовок книги Джонатана Шелла [Shell 1982] «*The fate of the Earth*» вызвал замешательство всех неанглоязычных информантов, которых я просила перевести его, и после долгого мысленного перебора вариантов все предлагали то, что скорее является эквивалентом английского слова *future*, «будущее», а не *fate* (*Zukunft, l'avenir, l'avvenire* и т.п.).

Сходное замешательство вызвало следующее английское предложение.

The *fate* (*destiny) of our children is at stake. (We must stop pollution, etc.)

На карту поставлена судьба наших детей. (Мы должны прекратить загрязнение окружающей среды и т.п.)

И в этом случае все информанты в конце концов останавливались на том, что является скорее эквивалентом англ. *future*, чем каким-либо мыслимым эквивалентом слова *fate*. Это происходит, я думаю, потому, что, если жизни наших детей мыслятся как детерминированные вполне материальными, вполне понятными причинами, такими как загрязнение окружающей среды, эта перспектива кажется несовместимой с несколько таинственными, метафизическими импликациями таких концептов, как *Schicksal, destino* или *destin*. Но в современном английском концепте *fate* нет ничего метафизического.

Существует, по-видимому, и еще одна причина, по которой носители европейских языков, за исключением английского, оказываются в затруднительном положении, встретив предложение типа *The fate of the Earth*. Суть в том, что *Schicksal, destino, destin, los* и *судьба* имеют сильную экзистенциальную и антропоцентрическую перспективу, которой нет у современного английского слова *fate*. Сходная экзистенциальная и антропоцентрическая перспектива передавалась древнеанглийским концептом *weird*, который ил-

люстрируют следующие цитаты из «Оксфордского словаря английского языка» [OED 1933]:

«Had neuer womman sa blissfil *weird*... as maria maiden»
(1300, Cursor M).

«Было у юной женщины благое предопределение... девы Марии».

«those whose *weird* is still to creep, alasi Unnoticed among the humble grass» (1774, Fergusson. On seeing butterflies).

«Те, чей жребий ползать, увы! Незамечаемыми среди смиренной травы» (Фергюссон. Наблюдая бабочек).

«It was one more of those hammer-blows of Fate exactly coincident with the sequence of the Queen's *weird*» (1909, Belloc. Marie Antoinette).

«Это был очередной сокрушительный удар, который Судьба нанесла королеве в точном соответствии с тяготевшим над ней роком».

Но в современном английском языке этот таинственный и антропоцентрический концепт *weird* (рок, проклятие) был вытеснен более прозаическим, принадлежащим этому миру, «объективным» и позитивистским концептом *fate*. Мифологическая Fate, которая обычно писалась с большой буквы, сохранилась в литературном языке, но явно имеет функции риторической фигуры и вызывает мифологические аллюзии. Таинственное, антропоцентрическое *weird* получило отрицательные коннотации (ср. современное *weird*, «сверхъестественный, странный») и перестало употребляться как существительное (возможно, вследствие своей чужеродности современному англосаксонскому наивному мировоззрению).

Я не хочу сказать, что такие концепты, как *Schicksal* или *destin*, могут употребляться только в отношении людей. На деле, они очень часто применяются, когда речь идет о странах или городах. Страна или город может рассматриваться как индивид среди других таких же индивидов и наделяться личностными особенностями, подобно человеку: она может «хотеть», она может «решать», она может «страдать» и т.п. Но такое английское название, как «The *fate* of the Earth», предполагает совершенно иную, не антропоморфную перспективу, и это отчасти объясняет, почему переводить Fate как *Schicksal* или *destin* плохо.

Из этого следует, что, хотя лексика современного английского языка признает и даже подчеркивает действие необратимых причин, которые полностью детерминируют доступные наблюде-

нию события, она не способствует формированию взгляда, согласно которому именно общее положение человека («La condition humaine» Мальро) подвержено действию непостижимых сил, влияющих на жизнь человека (а может быть и определяющих ее ход). Это замечательная новая ступень в развитии социальной психологии, свидетельствующая о новой культурной ориентации современных англоязычных западных обществ.

Изменения концепта *destiny*, идущие параллельно изменениям концепта *fate*, также имеют культурные импликации. На более ранних этапах истории английского языка *destiny*, как показывают следующие примеры из [OED 1933], рассматривалась как нечто необратимое, неконтролируемое и скорее всего «плохое»:

The common people lamented their miserable destiny (1548).
Простые люди жаловались на свою несчастную судьбу.

The force of ruthless destiny (1781).
Сила безжалостной судьбы.

Однако в девятнадцатом веке все чаще и чаще встречаются примеры другого рода, подобные следующему:

«Our *manifest destiny* is to overspread the continent allotted by Providence for the free development of our yearly multiplying millions» (John L. O'Sullivan. United States Magazine and Democratic Review 1845, цит. по [Stevenson 1946:64]).

«Наше *явленное предопределение* — заселить континент, дарованный нам Провидением для того, чтобы наша миллионная, ежегодно умножающаяся нация свободно развивалась» (из редакционной статьи, выражающей несогласие с аннексией Техаса).

Новый концепт *destiny*, получивший распространение в Америке XVIII века, был отмечен в свое время как новое явление (особенно в выражении «явленное предопределение»). Эмерсон назвал такое употребление «профанным», в скрытом виде противопоставив его более старому, мифологизированному:

«Это выражение — «явленное предопределение» — в его профанном употреблении обозначает имеющееся у всех ощущение, что здесь налицо огромная не востребуемая энергия и возможности» (Эмерсон. Дневники. Цит. по [Stevenson 1946:64]).

Интересно привести контрастирующее с этим определение концепта *fate*, данное тем же автором:

«Что бы ни ограничивало нас, мы зовем это Судьбою (*Fate*)... Ограничения становятся все тоньше по мере очищения души, но

выше всего всегда слышится голос необходимости» (цит. по [Stevenson 1946:642]).

У американского писателя Уильяма Вудворда мы находим следующий, чрезвычайно полезный для нас комментарий:

«Осенью 1844 г. вопрос аннексии [Техаса] был одним из центральных в президентской кампании. Демократы сделали «явленное предопределение» краеугольным камнем своей политической философии момента» (Woodward, цит. по [Stevenson 1946:64]).

Поляризация *destiny* (предназначения/предопределения) (как чего-то хорошего) и *fate* (судьбы) (как чего-то плохого) сопровождалась сужением значения *destiny* до 'чьего-либо предназначения', в то время как *fate* продолжает употребляться для обозначения как судьбы вообще, так и личной судьбы; но *fate* также все чаще употребляется для обозначения 'судьбы чего-либо' (например, *fate* загрязняющих веществ или пестицидов в окружающей среде).

В современном английском языке, как пишет Смит (Smith), «*fate* слепа, *destiny* имеет способность предвидеть». Но слепота *fate* отличается от слепоты *Schicksal* (*fate* не действует ни непредсказуемо, ни таинственным образом, ни по прихоти); и хотя *destiny* имеет способность предвидеть, это не потому, что мы связываем *destiny* с «установлением каких-то более могущественных существ».

Я предлагаю следующие экспликации.

destiny

- (a) с разными людьми могут случаться разные вещи
- (b) разные люди могут делать разные вещи
- (c) некоторые люди могут делать такие вещи, которых не могут делать другие люди
- (d) мне кажется, я знаю, что кто-то хочет этого
- (e) этот кто-то не является частью этого мира

fate

- (a) разные вещи, плохие для людей, случаются в мире
- (b) эти вещи случаются потому, что случаются какие-то другие вещи
- (c) если случаются те другие вещи, эти вещи не могут не случиться

Если в целом эти экспликации верны, *destiny* оказывается единственным концептом из рассмотренных выше, который помещает в фокус то, что люди могут *делать* (не все, но некоторые из

них), а еще точнее то, что *некоторым* людям *назначено* делать (*meant to do*). Все неанглийские концепты, рассмотренные здесь, относятся к тому, что может *случиться* с людьми, причем не с некоторыми, а со всеми людьми. Единственным исключением из этого, может быть, является французское *destinée*, которое, однако, гораздо более маргинально во французском языке, чем *destin* или *sort*.

8. Социокультурные корреляты

Почему русский концепт *судьбы* так отличается от польского концепта *los*? Почему немецкий концепт *Schicksal* так отличается от итальянского *destino* или от французского *destin*? И почему английские *fate* и *destiny* так отличаются от всех остальных концептов вместе взятых?

По-видимому, ответы на эти вопросы лежат в истории тех народов, чьи культуры породили эти концепты, и в сформированных историей национальных характерах. У меня нет здесь места, и я не обладаю профессиональными знаниями для того, чтобы подробно обсуждать эти серьезнейшие проблемы. Но мне хотелось бы, тем не менее, обозначить те моменты, которые вытекают из анализа существующей литературы.

8.1 Почему *судьба*?

Говорить, что история России — это история деспотизма и подчинения, — трюизм. Маркс и Энгельс называли русское общество «полуазиатским», а царский режим (как и Ленин впоследствии) — восточной деспотией [Wittfogel 1963:379]. Если мы оглянемся на прошлое России, «мы обнаружим различие между Западной и Восточной Европой, которое восходит к прямым и косвенным последствиям монгольского ига (1240-1452)... По мере того, как монгольское иго ослабевало... великие князья московские получали власть над своими соперниками, в конце концов достигая могущества, равного или превосходящего то, которым обладали монголы. В течение двух веков, которые предшествовали индустриализации и демократизации Западной Европы, русским царям удалось подчинить все слои общества своему автократическому правлению... Символом этой социальной структуры была допустимость телесного наказания для всех слоев населения, с одной стороны, и канонизация многих царей в конце их царствования как ретроспективная легитимизация — с другой... Эти особенности русской социальной структуры свидетельствуют о подчиненности общества автократическому правителю, которая —

пусть в существенно трансформированном виде — сохранилась до сегодняшнего дня» [Bendix 1977:178].

Там же Бендикс пишет, что «санктификация царской власти символизирует отсутствие в русской цивилизации того конфликта между церковью и светской властью, который в Западной Европе стал одной из основ для развития институтов представительства». Православная церковь традиционно подчеркивала, сколь священным является долг повиновения властям» (слова митрополита Московского Филарета, цит. по [Curtis 1940:30]).

Как указывает Бендикс, «отличительная черта таких призывов — акцент на повиновении правительству как на главном правиле поведения. Подчинение своему помещику или хозяину, поэтому, только знак... подчинения высшей власти; эта идея выражена с классической простотой в следующем обращении аристократа-землеладельца к своим крестьянам: «Я ваш господин, а мой господин — император. Император может отдавать мне свои приказания, и я должен подчиняться ему; но он не отдает приказаний вам. Я император в своем государстве; я ваш Бог в этом мире, и я отвечаю за вас перед Богом на небесах» [Bendix 1977:184].

Но в качестве отличительной черты русской национальной традиции исследователи России не обязательно называют слепое повиновение, основанное на страхе (хотя русские писатели и мыслители часто жаловались на «извечную российскую покорность», ср. [Солженицын 1986:436]). Это также покорное, безропотное принятие тягот и страданий, воплощенное в русском православном идеале *смирения*, ставшем отличительной особенностью русской духовности. В XIX в. русский *старец* сформулировал этот идеал следующим образом:

«Мы не должны пытаться узнать, почему случилось так, а не иначе; но с детским послушанием мы должны подчиниться священной воле Отца нашего небесного и возгласить из глубины души нашей: «Отче наш, да будет воля твоя!» (Игумен Антоний, цит. по [Bolshakoff 1977:176]).

Кажется очевидным, что русский концепт *судьбы* несет на себе отпечаток этой культурной традиции.

8.2 Почему *Schicksal*?

При попытках объяснения немецкой идеи *Schicksal* (рока) первое, что приходит в голову, — это формирующее влияние Лютеровской реформации. «Глубокий след, который оставила в немецких умах Реформация Лютера» [Dumont 1986:593], кажется,

признают все исследователи немецкой культуры. Общепризнано также то, что Лютер оказал глубочайшее влияние на немецкий язык и концептуализации, отражаемые в нем (ср., например, [Weber 1968:206]). Определяющим моментом здесь является точка зрения на роль воли и свободы в жизни людей. Кейн указывает:

«В спорах Реформации роль ключевого различия между протестантскими и католическими теологами играло учение о свободе воли. Мартин Лютер и Джон Кальвин категорически отрицали свободу воли... Лютер пришел к заключению, что жизнь человека предопределена настолько, что никогда не может быть сказано, что он властен над своей судьбой» [Капе 1967:90].

Лютер считал людей греховными и бессильными по самой их природе. «Ущербность человеческой природы и полное отсутствие свободы в выборе того, что праведно, — одно из фундаментальных положений всего мышления Лютера» [Fromm 1980:63]. Лютер учил, что человек — безвольное орудие в руках Божьих, греховное по своей природе; что единственная его задача — отдаться воле Божьей, и что Бог может спасти его, осуществляя непостижимый акт справедливости» [Fromm 1980:65]. Он не отрицал полностью, что человек обладает свободой воли, но считал, что она применима «не по отношению к тем, кто выше человека, но по отношению к тем, кто ниже его... Обращенный к Богу человек не имеет «свободы воли», но есть пленник, раб и слуга либо воли Божьей, либо „воли Сатаны"» («Бремя свободы», цит. по [Fromm 1980:64]). Фромм комментирует эту цитату следующим образом: «Эта дихотомия — подчинение себя высшим силам и подчинение себе тех, кто ниже, характерна для отношений авторитарного характера».

В лютеровской картине мира «человек свободен от всего, что связывает его с духовными авторитетами, но сама эта свобода оставляет его в одиночестве и растерянности, и его охватывает чувство собственной незначительности и бессилия. Этот свободный, изолированный индивид раздавлен ощущением собственной ничтожности. Теология Лютера дает выражение этому ощущению беспомощности и сомнения» [Fromm 1980:68].

Комментарии такого рода, мне кажется, имеют огромное значение для объяснения немецкого концепта *Schicksal*, и в частности сходства и различий *Schicksal* и русского концепта *судьбы*.

Для понимания соотношения между *Schicksal* и *destiny* особенно важен анализ протестантского концепта «призвания» Максом Вебером [Weber 1968:160]. И лютеране, и пуритане верят, что каждый человек имеет свое собственное «призвание», назначенное ему Богом. Идея «призвания» впервые появилась в Лютеровом переводе Библии. «Очень скоро это слово обрело свое современное

значение в повседневной речи всех протестантских народов... Идея нова, она создана Реформацией» [Вебер 1968:79]. Вебер считает, что интерпретация этой идеи пуританами отличалась от ее интерпретации лютеранами:

«Провидение Господне уготовило каждому без изъятия призвание, которое он должен исповедовать и на стезе которого он должен трудиться. И это призвание не является (как в лютеранстве) судьбой, которой человек должен подчиниться и которую он должен стремиться использовать наилучшим образом, но есть Божья заповедь человеку трудиться во славу Божью. Это казалось бы незначительное отличие имело далеко идущие психологические последствия и оказалось связанным с дальнейшим развитием провиденциальной интерпретации экономического уклада» [Weber 1968: 160].

Обсуждение Вебером этого момента позволяет проникнуть в суть различий не только между вдохновленным лютеранством концептом *Schicksal* и пуританским концептом *destiny*, но также и в суть различий между *Schicksal* и такими концептами, как *sorte*, *sort* или *los* (или испанск. *suerte*), которые мы встречаем в языках католической Италии, католической Франции, католической Польши и католической Испании, т.е. у народов «*liberum arbitrium*» («свободной воли»), как Вебер называет католические нации:

«Феномен разделения труда и профессиональной занятости в обществе рассматривал и Фома Аквинский, к трудам которого нам вполне уместно обратиться, и трактовал его как прямое следствие божественного плана вещей. Однако то место, которое назначено каждому человеку в космосе, следует *ex causis naturalibus* (из естественного порядка вещей) и является случайным (*contingent*, «непредвиденным») в терминологии схоластов. Разделение людей на классы и по родам занятий, установившееся в ходе исторического развития, воспринималось Лютером... как прямое следствие воли Господней. Постоянство пребывания человека в том месте и в тех рамках, которые назначил ему Господь, было его религиозным долгом... мир должно было принимать как он есть, и одно это могло быть сделано религиозным долгом. Но в пуританстве провиденциальная трактовка игры частных экономических интересов получает несколько иной акцент. В соответствии с пуританской тенденцией прагматической интерпретации, провиденциальная цель разделения труда должна познаваться по его плодам» [Weber 1968:160-161].

Новое понимание *destiny*, распространившееся в Америке XIX века, поразительно сообразно анализу Вебера (вспомним высказывание, приводившееся нами ранее: «Наше явленное предопреде-

lenue (destiny) — заселить континент, дарованный нам Провидением, чтобы наша миллионная, ежегодно умножающаяся нация свободно развивалась»).

Более подробным анализом *destiny*, а также *sorte*, *sort* и *los* мы займемся позже. Сейчас же для нас принципиально важны следующие положения: согласно лютеранству, человеческая жизнь обязана собой непостижимому велению Бога; и поэтому она рассматривается как то, чему человек должен подчиниться и что следует использовать наилучшим образом; с точки зрения пуританства, жизнь человека — задача, поставленная перед ним Провидением; согласно католицизму, жизнь человека есть прямое следствие божественного плана вещей, но одновременно она сплетена из событий, которые случайны и непредсказуемы.

8.3 Почему *sorte* и *sort*? Почему *destino* и *destin*?

И итальянский концепт *sorte*, и французский концепт *sort* подчеркивают случайный, непредсказуемый характер человеческой жизни. И то, и другое слово в одном из употреблений может обозначать вытягивание жребия, и оба предполагают, что жизнь человека в большой степени непредсказуема и что значительную роль в ней играет случай. Сопутствующие концепты *destino* и *destin* играют дополнительную роль. Поскольку случай очень важен в жизни человека, жизнь можно рассматривать с точки зрения того, что в ней непредсказуемо и случайно, и это вполне оправданная перспектива, но не единственно верная: можно рассматривать жизнь также как путешествие в определенном направлении, т.е. как *destino* или *destin*.

Католическая теология всегда подчеркивала, что человеческие существа свободны в своем выборе и в своих решениях, — что они свободны, так сказать, идти дорогой, которую они выбирают. Нолан [Nolan 1967:91] пишет: «Традиционно считается, что точным переводом латинского выражения *liberum arbitrium* является термин «свобода воли»; но более точный его перевод — «свободный выбор» или «свободное решение». Риган указывает, что «в контексте жестких утверждений, выдвигавшихся реформаторами... [католическая] церковь определяла в качестве догмы, что даже грешный человек обладает поистине свободной волей» [Regan 1967:93].

И снова здесь, видимо, смыкаются теология и семантика. В отличие от вашего *Schicksal*, ваше *destino* или ваш *destin* — это то, что вы можете контролировать сами — в какой-то степени. Конечно, существуют определенные ограничения на свободу человека, диктуемые, так сказать, *sorte* или *sort*, но в рамках этих

ограничений можно считать себя свободным. Согласно Веберу, такая трактовка жизни человека, вдохновленная католицизмом, была не столь благоприятна для развития капитализма, как протестантская, в ее лютеранском или кальвинистском варианте. Идею о том, что человек может делать, что хочет, можно легко истолковать в том смысле, что человек может делать то, что ему приятно делать. Это может породить такие установки, как неразборчивость в средствах, легкомыслие и просто лень («*il dolce far niente*», «сладостное ничегонеделание»; «*la dolce vita*», «сладкая жизнь»), что несовместимо с духом капитализма. Как писал Вебер:

«Повсеместная полная неразборчивость в средствах, используемых в целях удовлетворения личных интересов в деле добывания денег, является специфической особенностью тех стран, буржуазно-капиталистическое развитие которых, по западным меркам, задержалось. Как известно каждому предпринимателю, недостаток совестливости (*coscienziosità*) у рабочих этих стран — например, Италии в отличие от Германии — был и в известной степени до сих пор остается одним из главных препятствий для их успешного капиталистического развития. Капитализм в равной степени не может использовать как труд тех рабочих, которые на практике осуществляют доктрину полностью неконтролируемой «свободы воли», так и деятельность предпринимателей, совершенно беспринципных в своих сделках» [Weber 1968:57].

Впоследствии положения, сформулированные Вебером, много обсуждались и различные аспекты его толкования подвергались серьезной критике, но существующие разногласия не важны для данной работы. Главная его мысль, заключающаяся в том, что народы *liberum arbitrium* отличаются своим отношением к жизни, принципами и принятой у них системой ценностей от народов другого религиозного развития, кажется бесспорной и чрезвычайно плодотворной. Для понимания различий в наивном мировоззрении, которые высвечивает семантический анализ таких слов, как *Schicksal*, *destiny* и *destin*, религиозная история наций представляется особенно важной.

Когда мы сравниваем современные французский и итальянский концепты *destin* и *destino* с немецким концептом *Schicksal*, мы обнаруживаем, что первые оставляют гораздо больше простора для случайности и свободы. Мне представляется, что это различие замечательным образом воспроизводит различие между католической и лютеранской религиозными традициями. Мы уже видели, что там, где католическая теология допускала случайность, Лютер видел неизбежную необходимость; а там, где католическая теология признавала свободный выбор (*liberum arbitrium*), Лютер

отрицал его и противопоставлял ему свою доктрину «*servum arbitrium*»¹⁸. Американский биограф Лютера Джон Тодд подводит итог дискуссии между Лютером и католическими теологами (в лице Эразма Роттердамского) следующим образом:

«Спор с Эразмом превращается в противопоставление прагматического определения реального положения человека как паломничества, во время которого его испытывают и он должен делать ответственный выбор, — утверждению о столь сильном главенстве духовного начала, что человек кажется изначально предназначенным либо для небес, либо для ада» [Todd 1964:225].

Я считаю, что Лютерова точки зрения на человеческую жизнь находит отзвук в немецком концепте *Schicksal*, в то время как католическая точка зрения звучит в таких концептах, как *destino* или *destin*, родившихся в «странах *liberum arbitrium*».

Конечно, совсем не все носители немецкого языка лютеране, и они не принадлежат одной культуре (ср. [Lowie 1954]). Вполне возможно, что значительная культурная разнородность отражается в некоторой семантической и лексической вариативности концептов поля *Schicksal*. Эта проблема требует дальнейшего исследования. Тем не менее, безусловно, существует общее ядро немецких культурных традиций, и вряд ли стоит сомневаться, что это ядро несет отпечаток учений Лютера.

8.4 Почему *los*?

Я откладывала обсуждение польского *los* до этого момента, потому что важно сравнивать его не только с русской *судьбой*, но и с итальянскими концептами *destino* и *sorte*, французскими *destin* и *sort* и немецким *Schicksal*.

Поляки — как и русские, славяне, и можно было бы ожидать, что *los* подобен *судьбе*. Но это не так. Поляки — католики, так же как итальянцы и французы, и можно было бы ожидать, что *los* подобен соответствующим итальянским и французским словам. Но это не так — или, вернее, это и так, и не так. Польское слово *los* заимствовано из немецкого языка, и можно было бы ожидать, что этот концепт подобен своему немецкому соответствию. Но это не так. Почему же польское *los* такое, как оно есть?

Разгадать тайну польского *los* могут помочь три фактора: история, религия и культурная принадлежность.

Начнем с последней. Польша всегда имела очень тесные связи с Западной Европой. Как писал Норман Дэвис, английский историк Польши, «географически Польша принадлежит и всегда принадлежала к Востоку. Во всех остальных смыслах ее самые

сильные связи — с Западом» [Davies 1984:343]. Дэвис даже делает такое далеко идущее заявление: «Поляки более западны в своем мировоззрении, чем жители большей части западных стран» [ibid., 345]. Поэтому, хотя и поляки, и русские — славяне, их культурные ориентации, можно сказать, диаметрально противоположны. Прочитируем Дэвиса: «Россия — Восток, а Польша — Запад, и, кажется, им не сойтись никогда»¹⁹ [ibid.].

Владимир Соловьев, русский философ XIX века, характеризует это глубокое культурное расхождение даже в более сильных выражениях:

«Польша является в Восточной Европе представительницей того духовного начала, которое легло в основу западной истории. По духовной своей сути польская нация... принадлежит к западному миру. Дух сильнее крови... Западный европеец, даже протестант, ближе по духу поляку-католику, нежели православный русский... Главный спор идет не между христианством и исламом, не между славянами и турками, а между европейским Западом, преимущественно католическим, и православной Россией» [Соловьев СПб :т.4,12-13].

Точно так же Дэвис связывает западную ориентацию Польши с ее католицизмом:

«Католицизм Польши определил то, что... все ее культурные связи устанавливались с латинским миром; и что в век веры ее симпатии были на стороне католиков Запада, а не на стороне язычников, раскольников или вероотступников на Востоке» [Davies 1984:343].

Если, как представляет это Соловьев, «Восток» означает тенденцию к фатализму, смирению и подчинению, а «Запад» — тенденцию к активному отношению к жизни и прославлению свободы, тогда польский национальный этос является определенно западным. Действительно, английский историк Тимоти Гартон Эш подводит итог своему очерку Польши и ее истории, формулируя следующие три главных положения: «поляки — древний европейский народ с неутолимой жаждой свободы; свобода по-польски означает прежде всего национальную независимость; польская национальная идентичность исторически определяется через противостояние России» [Garton Ash 1983:3].

Десять веков польской истории получили следующую исчерпывающую характеристику на суперобложке его книги «God's playground: a history of Poland»²⁰:

«На заре своей истории Польша стала значительной силой на Востоке и принимала серьезное участие в Возрождении, Реформации, Контрреформации и Просвещении. Накануне известных разделов 1773-1795 гг. [между Россией, Пруссией и Австрией] Объединенная Республика Польши и Литвы была одновременно одним из крупнейших государств и родиной одной из самых замечательных культур континента. С момента раздела поляки начинают непрекращающуюся борьбу за выживание с империями, идеологиями и тиранией Восточной Европы — национальный крестовый поход, в котором они проявляют чудеса упорства».

Каким же образом из всех этих ингредиентов — ориентации на Запад, католицизма и истории «власти и славы», за которой последовала потеря независимости и множество восстаний, поражений и новых восстаний, — сложился польский концепт *los*?

Когда мы сравниваем его с русской *судьбой*, мы замечаем, прежде всего, отсутствие каких-либо признаков почтения к «святому смирению». Это хорошо иллюстрируют слова, которые Тимоти Гартон Эш выбрал в качестве эпиграфа для своей книги о «Солидарности»: «Поляки восстают против слабого угнетателя, потому что они могут это делать; против жестокого — потому что должны» [Ash 1983] (согласно Гартону Эшу, это польская пословица 60-х гг. XIX в., периода одного из самых безнадежных польских восстаний). Если в русской *судьбе* присутствует, грубо говоря, оттенок фатализма, квиетизма и смиренного приятия жизни, ничего подобного нет в польском *los*. Напротив, *los* акцентирует случайность, переменчивость, непредсказуемость судьбы, представляя жизнь как игру случая или как азартную игру.

Образ лотереи жизни в польском языке, конечно, не уникален. Этот образ стоит и за итальянским *sorte*, французским *sort* и испанским *suerte*. Но все эти языки нашли лексическое выражение и для другого образа — жизни, «идущей своим путем» и «движущейся вперед» подобно путешествию (*destino, destin, destino*). Польский же культурный словарь воплощает лишь один образ — жизни как попеременных взлетов и падений, а не как плавного движения к пункту назначения.

Представление об азартной игре, в которой можно проиграть, но где всегда есть и надежда на выигрыш и где можно действовать свободно, ставя все свои деньги на карту, играет важную роль в польском военном фольклоре, который, как это много раз отмечалось, сыграл решающую роль в формировании польского национального этоса. Для нас сейчас важна та роль, которую в этом фольклоре играет концепт *los*. В качестве характерного примера приведу, вслед за Дэвисом [Davies 1984:24], отрывок из «Марша Легионов Пилсудского» (1914-1917):

Legiony to — żołnierska buta;
 Legiony to — ofiarny stos;
 Legiony to — żebracka nuta;
 Legiony to — straceńców los;
 My, Pierwsza Brygada,
 Strzelecka Gromada,
 Na Stos, rzuciliśmy,
 Swój życia los
 Na stos, na stos²¹.

Пилсудский был главной фигурой польской борьбы за независимость в 1918 г. и первым главой независимой Польши. Дэвис пишет: «Как открыто признавал сам Пилсудский, когда он основал Legiony, впереди было только две возможности — «либо смерть, либо великая слава». Он вполне допускал первое» [Davies 1984:241]. Дэвис также приводит девиз Пилсудского: «За поражение... не нужно бороться. Нужно бороться за победу и не покоряться» [1984:243].

В польской традиции и истории всегда высоко ценилась позиция такого рода (за счет, как часто указывалось, гражданских добродетелей и, в частности, за счет тех добродетелей, которые Макс Вебер выделял в качестве главных в протестантской этике).

К этому можно добавить, что польский национальный этос — это, как пишет Дэвис, «благородный этос», то есть этос польской аристократии — точнее, дворянства, «шляхты». «В основе благородного этоса лежал индивидуализм. Сразу после того, как в XIX веке были устранены правовые и социальные барьеры разделявшие различные группы общества, и особенно после освобождения крепостных, он смог распространиться на более широкие слои польского общества» [1984:33].

Идея *los* несет на себе отпечаток этого «благородного этоса», и в этой связи интересно отметить, что до того, как этот этос распространился на все население, польская народная культура рассматривала жизнь человека не через призму *los*, а через призму другого концепта, *dola*, который гораздо ближе к английскому *lot*, чем к польскому *los*. Этим польская культура резко отличается от русской, в которой концепт *судьбы* был ключевым концептом всех слоев общества (как свидетельствует любовная народная форма *судьбинушка* в фольклоре). В Польше распространение идеи *los* во всех слоях населения может рассматриваться как символическое выражение распространения «благородного этоса» и его идентификации с национальным этосом.

Важно подчеркнуть, что польский идеал отчаянного смельчака и сорвиголовы не следует смешивать с идеалом японского камикад-

зе или мусульманина-шиита, стремящегося принять мученическую смерть в священной войне (джихаде). Польская культура высоко ставит мужество тех людей, которые добровольно идут на очень серьезный риск, вполне допуская возможность смерти, но при этом надеясь на лучшее. Польский концепт *los*, который гораздо ближе к английскому *luck* и *chance*, чем к *судьбе*, *Schicksal*, *destino*, *destin* и *fate*, возможно, несет отпечаток этой традиции.

8.5 Почему *destiny*? И почему *fate*?

Возвращаясь теперь к английскому материалу, мы должны отметить, прежде всего, поляризацию *fate* («плохого») и *destiny* («хорошего»), которая произошла в современном английском языке, и разделяющую природу этой поляризации (при которой у некоторых людей явно есть *destiny*, а у других *fate*).

Our destiny (*fate) is to rule the world.
Наше предназначение (destiny /*fate) — править миром.

His destiny (*fate) was to become a great leader.
Его предназначение (destiny/*fate) было стать великим вождем.

His fate (*destiny) was life imprisonment.
Ему суждено было (букв., его судьбой было) (fate/*destiny) пожизненное заключение.

The prisoner was tried in absentia and never even saw the judge who was to determine his fate (*destiny).

Заклученного судили в его отсутствие, и он даже не видел судьи, который должен был определить его судьбу (fate/*destiny).

Думая о современной англосаксонской культуре как о том, что было сформировано в какой-то степени ее пуританским прошлым, трудно не поразиться аналогии между этой семантической поляризацией слов и религиозной поляризацией людей в кальвинистской теологии. Как указывает Вебер [1968:98], в период, когда «фразыгравались величайшие политические и культурные сражения XVI-XVII веков... и в общем до настоящего времени учение о предопределении считалось ее наиболее характерным догматом. «Лютер также признавал этот догмат, но эта идея не только не стала для него центральной, но все больше и больше отходила на задний план... С Кальвином все было наоборот; значение его учения для него самого ощутимо возрастало в ходе его полемики с идейными противниками».

В связи с этим полезно вспомнить наблюдение Смита, что «только люди, сделавшие значительную карьеру, могут говорить о своем предназначении (*destiny*)». У любого человека есть *судьба*, *los*, *Schicksal*, *destino* или *destin*, но не у каждого есть *destiny*. Я полагаю, однако (и здесь я не согласна со Смитом), что и *fate* есть не у каждого человека. Обычно люди говорят о *fate* какого-либо человека, только если его или ее постигает «ужасная судьба» (неизлечимая и страшная болезнь, изнасилование, внезапная смерть в необычных обстоятельствах и т.д.). Можно утверждать, что лишь «избранные» имеют *destiny*, и лишь особенно несчастливые — *fate*. Ни одно из этих слов не применимо к ординарному ходу человеческой жизни (а *common human lot*, «заурядная человеческая участь»); само по себе слово *lot* не является нейтральным английским словом, сравнимым с такими употребительными словами, как, например, *Schicksal* или *destino*.

Итак, я полагаю, что *fate* и *destiny* отражают, в какой-то степени, кальвинистский элемент в англосаксонском прошлом. Но, конечно, в современном английском языке оба эти концепта стали, как это сформулировал Эмерсон в отношении *destiny*, профанными, а затем продолжали развиваться каждый по-своему. Как и почему могли произойти такие изменения?

Что касается *destiny*, много предположений можно найти в литературе, посвященной пуританству и «духу капитализма». Как указывает Вебер, «фатализм, безусловно, является единственным логическим следствием идеи предопределения. Но, благодаря идее доказательства, психологический результат был прямо противоположным» [Weber 1968:232]. Кальвинизм придавал огромное значение действию, усилию, земному успеху, потому что считалось, что только через такое действие, приносящее осязаемые плоды, человек может выполнить свое «призвание», воздать славу Богу и быть способным убедить себя, что он в числе избранных. «Воля Божья, слава Божья, являющаяся в то же время главной целью человека, вкупе с потребностью души получить подтверждение своей избранности дает невероятной силы влечение к действию», «невероятную пуританскую тягу к интенсивной деятельности» [Fullerton 1959:4,17].

Но начавшись, процесс может развиваться дальше в соответствии со своей собственной логикой. Как указывали Вебер и другие авторы, в пуританскую этику встроена секуляризация, «что отмечал Джон Уэсли, когда писал, что богопочитание ведет к богатству, а богатство — к упадку религии» [Bendix 1977:193].

Богочитание (пуританского рода) ведет к интенсивной деятельности, интенсивная деятельность ведет к успеху в земной жизни, а успех в земной жизни, полученный благодаря своим собст-

венным усилиям, подрывает взгляд на жизнь как зависимую от непостижимых сверхъестественных сил.

Говоря о «духе капитализма», Вебер цитирует «Советы начинающему торговцу» Бенджамина Франклина:

«Помни, что время — деньги... Помни, что деньги могут зачинать деньги... Тот, кто бросает на ветер пять шиллингов... убивает... все, что могло быть порождено ими: целые колонны фунтов стерлингов» (цит. по [Fullerton 1959:7]).

Говоря о «специфически буржуазной этике, представленной в максимах Франклина», Фуллертон дает следующий комментарий:

«Деланье денег перестало быть средством, которым можно заслужить спасение или восславить Бога. Оно стало самоцелью. Пуританство привело к рационализации жизни как призвания. Затем произошла трагедия. Капитализм увидел значение призвания для бизнеса, удалил трансцендентальные, связанные с иным миром мотивы и превратил «призвание» в работу»[1959:20].

Я полагаю, что эта смена перспективы — с трансцендентальной и потусторонней на мирскую, и эта смена ориентации — с восславления Бога на восславление Я (как того, кто преуспевает в мирских делах) подытожена в изменении значения слова *destiny* (предназначение/предопределение). («Наше явленное предопределение (*manifest destiny*) — заселить континент, дарованный нам Провидением, чтобы наша миллионная, ежегодно умножающаяся нация свободно развивалась».)

Что касается *fate* (судьбы), то это слово тоже явно потеряло свою ориентированность на иной мир. Оно также потеряло и значительную часть своей силы и стало предметом забот некоторых несчастных людей, перестав быть предметом забот всего человечества. Нет сомнений, что идея *Fate* (с большой буквы) враждебна «духу капитализма». Влечение к действию, свободное предпринимательство, инициатива, стремление к личному успеху в жизни, конкуренция — все это плохо сочетается с идеей о том, что жизнь человека не зависит от его собственных усилий.

Представляется, что на семантическую эволюцию *fate* оказал воздействие еще один ряд факторов, источником которых была не религия, а философия. В работах таких крупнейших английских философов, как Гоббс, Юм и Локк, можно просто точно указать, где происходит изменение интерпретации *fate*. Этих мыслителей в первую очередь интересовало и привлекало не предопределение, но детерминизм, а также соотношение между свободой и необходимостью. (Я не хочу сказать, что их работы повлияли на значение таких английских слов, как *fate*, прямо, но они способствовали со-

зданию определенной интеллектуальной атмосферы и специфически англосаксонского стиля мышления, что отразилось в английской манере выражения и, в конечном счете, в особенностях самого английского языка.)

«Гоббс считал, что понятие свободного субъекта было так же внутренне противоречиво, как понятие круглого квадрата» [Nolan 1967:90]. «Юм считал, что с одной точки зрения человеческие действия свободны, в то время как с другой точки зрения они не свободны... Акты выбора строго детерминированы предшествующими чувствами или мотивами, а также характером». А Локк утверждал, что хотя люди свободны действовать в соответствии со своей волей, их воля детерминирована: «человек не свободен желать или не желать чего-либо, о чем он властен размышлять: свобода состоит во власти действовать или воздержаться от действий, и только в этом» ([Locke 1959:327]; ср. также [Aarón 1955:268]).

Что же касается концепта *fate*, возможно, больше всего на него повлияло отождествление Гоббсом неизбежности с причинным объяснением. «Гоббс имел в виду, что, если действию может быть дано причинное объяснение, это значит, что действие не могло произойти каким-либо иным образом, чем оно произошло. Иными словами, для тех, кто разделял его научный оптимизм, «детерминированность» часто означала неизбежность вместе с объяснимостью через причины. «Это стечение причин, в котором каждая детерминирована подобным же стечением предшествующих причин, вполне может быть названо (поскольку все они были созданы и установлены внешней причиной всех вещей) Всемогущим Господом, Велением Божиим» [Peters 1956:184].

В отрывках, подобных этой цитате из Гоббса, мы почти видим, как значение *fate* меняется на наших глазах и из «неизбежного и трансцендентального» становится «причинно-объяснимым». Если сравнить, например, употребление *fate* у Шекспира («О Боже! Если бы можно было читать книгу Судьбы!» — «Генрих IV», акт II) с употреблением этого слова в современных заголовках — таких как «Fate of pesticides in environment», можно оценить и масштабы, и направление изменений. То, что записано в книге Судьбы, неизбежно; то, что происходит с пестицидами в окружающей среде, может быть причинно объяснено. Переход от первой позиции ко второй совершается через Гоббсов тезис «причинная объяснимость равна неизбежности».

Другое, но близкое к этому изменение в интерпретации *fate* связано с отношением между неизбежностью и необратимостью. Когда на современном английском языке говорят, что человека постигла ужасная судьба (*fate*), это не предполагает неизбежности: возможно, что «ужасной судьбы» можно было бы избежать, если

бы жертва добровольно не подвергла себя опасности. Но то, что произошло, необратимо. То, что неизбежно, также необратимо. В современной англосаксонской атмосфере рационального эмпиризма существует тенденция рассматривать события как необратимые и объяснимые, а не как «неизбежные». Вернее, они рассматриваются как неизбежные в некотором данном причинном контексте. Дух тайны, которой все еще пронизаны такие концепты, как *Schicksal*, *destino* или *судьба*, испарился из английского *fate*.

8.6. Насколько универсален концепт *fate*?

Является ли *fate* универсальным человеческим концептом? Безусловно, нет: факты, которые мы обсудили, заставляют предположить, что, напротив, это в высшей степени культурно обусловленный концепт.

Но являются ли такие концепты, как *fate*, *karma*, *kismet* или *Schicksal*, универсальными? Ответ на этот вопрос зависит от того, что понимается в данном случае под выражением «такие, как». Если содержание гипотетической универсалии заключается в том, что все языки содержат концепт «быть направляемым непостижимой сверхъестественной силой», тогда современный английский язык представляет собой достаточно убедительный контрпример. Это не обязательно значит, что в данной концептуальной области нет универсалии или чего-то близкого к универсалии; но перед тем как верифицировать гипотезу такого рода, ее следует ясно сформулировать и при этом использовать концепты, которые сами по себе не являются в высокой степени культурно обусловленными.

Один из соблазнов сравнительного исследования культур состоит в том, чтобы постулировать нечеткие и неverified универсалии, используя английские «наивные» концепты (*mind*, *soul* и *fate*). Другой, общий для многих соблазнов — выдвигать широкомасштабные межкультурные генерализации, сформулированные в терминах дихотомии «Запад — не Запад». Эта практика подверглась жесткой критике с позиций психиатрии Этвудом Гейнсом:

«Исследования, которые я проводил в Западной Европе, и чтение все увеличивающегося потока антропологической литературы, посвященной Западной Европе, приводят к заключению о том, что Запад конституируется не одной главной культурной традицией. Скорее можно говорить о существовании двух отличных друг от друга магистральных культурных традиций... Что это за две великие культурные традиции? Главное, что мы можем разграничить, — это Североевропейский культурный ареал и Средиземноморский культурный ареал» [Gaines 1984:178].

Вслед за Вебером Гейнс связывает базовые различия, о которых идет речь, с различиями религий и с влиянием последних на жизнь социума.

«Северная Европа — родина того взгляда на мир, который Вебер [Weber 1964] назвал «освобожденным от чар», и наследница той Судьбоносной (Magisterial) Протестантской Реформы, которая символизировала практический, эмпирический, не-магический подход к социальному и природному миру. Цели этого мира должны достигаться действиями в этом же мире, а не с помощью вмешательства в эту жизнь сверхъестественных сил и существ. Причиной действия в этом мире являются физические факторы, а не судьба, нематериальные святые, джинны (как в странах ислама), дьяволы или чудеса (являющиеся прикосновениями самого божества)... Для Латинской Европы, воплощающей один из видов средиземноморской традиции, характерен зачарованный взгляд на мир» [Gaines 1984:179].

Конечно, это более точное противопоставление, чем традиционная дихотомия «Запад — не Запад». Но все равно это упрощение реальной картины. В изображении Гейнса «североевропейская традиция» верно представляет господствующую англосаксонскую традицию, но в меньшей степени отражает немецкую традицию. Гейнс ссылается на Макса Вебера, однако Вебер отмечал огромные различия между кальвинистской и лютеранской традициями в Северной и Центральной Европе. Факты языка, которые рассматривались выше, подтверждают скорее взгляды Вебера, чем их упрощенную версию, которую дает Гейне. Немецкий концепт *Schicksal* не согласуется с картиной «практического, эмпирического, не-магического подхода к социальному и природному миру» (вспомним замечание Эриксона [Erikson 1963] о том, что, даже будучи реалистом, немец говорит *Schicksal* вместо того, чтобы обращаться к фактам истории и географии). Древнеанглийский концепт *weird* не согласовался с таким эмпирическим подходом и исчез из английского культурного словаря. Но *Schicksal* не исчез из немецкого культурного словаря. Однако, хотя религия и является безусловно решающим фактором в определении культурных различий, это не единственный фактор. Если представление о современном английском языке как о единственном европейском языке, словарь которого не включает какого-нибудь «таинственного» не-эмпирического концепта типа *destino*, *Schicksal* или *weird*, соответствует действительности, это может быть отчасти следствием эмпирической, прагматической традиции англосаксонской культуры, которая нашла наиболее полное выражение в эмпирической философии. В этой связи необходимо отметить, что даже голланд-

ская культура, несмотря на кальвинистские элементы в ее прошлом, имеет не-эмпирический концепт *noodlot* (слово, родственное английским *need*, «необходимость», и *lot*, «жребий») [Peters, 1956:184]. Лексические свидетельства такого рода дают основания допустить, что ни немецкий, ни голландский языки не предполагают того совершенно «освобожденного от чар» взгляда на мир, который нашел воплощение в английском языке. Об этом же свидетельствует огромное различие между все еще «цветущим», хоть и уменьшившимся в объеме значением немецкого *Seele* (душа) и выцветшим значением английского *soul*.

В то же время лексический материал, который здесь был рассмотрен, подтверждает, как мне кажется, идею о том, что «для Латинской Европы, воплощающей один из видов Средиземноморской традиции, характерен зачарованный взгляд на мир [Erickson 1976]» [Gaines 1984:179]. Такие концепты, как *destino* и *destin, sorte u sort* (а также испанские *destino, suerte* и *fortuna*) хорошо согласуются с «верой в волшебный зачарованный мир, в котором нити земного и потустороннего бытия сплетаются в единую ткань восприятия и опыта, как в средневековом (например, латинском) взгляде на мир [Erickson 1976]» [Gaines 1984:180]. Довольно мрачное немецкое *Schicksal* не предполагает подобной картины «зачарованного» мира; но в то же время оно не имеет за собой и мировоззрения, названного Гейнсом «североевропейским» или «протестантским». «В европейском протестантском мировоззрении физикалистские, эмпирические тенденции находят выражение по мере того, как совершается отход от мира, наполненного чудесами. Объяснения ищутся в осязаемом, эмпирическом мире» [Gaines 1984:181].

Такой взгляд на мир является не «североевропейским» или «протестантским», но англосаксонским, и нет лучшей иллюстрации этому, чем судьба концепта *weird*, который в современной англосаксонской культуре стал рассматриваться как «странный» («*weird*»²²) и ненужный.

9. Грамматические корреляты ключевых лексических концептов. Отражения судьбы в русской грамматике.

Центральные для какой-либо культуры концепты и установки обычно находят выражение не только в словаре, но и в грамматике языка данной культуры. Например, чтобы оценить роль отношений родства в культуре аборигенов Австралии, следует понимать не только терминологию родства, но и грамматику родства в австралийских языках (ср., например, [Hale 1966]; [Dixon 1989]; [Dench 1987]).

Различия в ценностях и установках, которые отражены ключевыми концептами, имеющими лексическое выражение, такими как *судьба*, *Schicksal* и *fate*, находят выражение в грамматике, равно как во фразеологии, пословицах, фольклоре и т.д. Ограниченный объем данного текста позволяет рассмотреть грамматические корреляты лишь одного концепта этой группы. Я выбрала для этой цели русскую *судьбу* — концепт, значимость которого для русской культуры, в сравнении с другими европейскими языками и культурами, кажется уникальной (напомним данные об относительной частотности этих слов, которые если и не дают возможности сделать окончательные выводы, то во всяком случае говорят о многом: *fate* — 33 употребления на 1000000; *судьба* — 181 употребление на 1000000).

По сравнению с западными языками, русская грамматика необычайно богата конструкциями, описывающими то, что происходит с людьми против их воли или помимо нее. Некоторые из этих конструкций отражают более специфическим образом особое наивное мировоззрение, ядро которого, видимо, составляет Некий род фатализма и некий род смирения.

Русские фольклорные тексты изобилуют отрицательными предложениями, говорящими о желаемом положении дел, которое — увы! — никогда не будет достигнуто, потому что «не суждено». Ср. (в ряде случаев в этой части использованы примеры из [Галкина-Федорук 1958]):

Не видать тебе этих подарков.
 Не гулять ему на воле.
 Не стать тебе со мной бой держать.

Высказывания, подобные этим, часто встречаются в фольклорном жанре «плача», ср.:

Не раскрыть тебе свои оченьки ясные,
 Не взмахнуть тебе да рученьки белые,
 Ох, да не топтать тебе дороженьки торенные.

Согласно Галкиной-Федорук [1958:214] и многим другим исследователям, это наиболее часто употребляемая, излюбленная в русском фольклоре форма выражения: отрицательные безлично-инфинитивные предложения очень часто встречаются в былинах, в народных песнях, в пословицах и поговорках.

В своей канонической форме эта конструкция выглядит следующим образом:

отрицание + инфинитив + существительное (одушевленное, в дательном падеже) [время — неопределенное]

Эта базовая конструкция может иметь варианты, но каждое отклонение от нее маркировано и требует определенного оправдания. Например, в следующем предложении существительное в дательном падеже стоит перед инфинитивом, но эта инверсия оправдана препозицией наречия:

«Не долго нашей Машеньке во девушках сидеть».

Характерная для этих конструкций инициальная позиция инфинитива противопоставлена немаркированному употреблению в этой позиции существительного в прочих конструкциях с инфинитивом, не имеющих никакого отношения к *судьбе*, например:

«Им этого кургана никак не миновать» (А.Калинин).

Что касается категориальной принадлежности существительного в дательном падеже, то это чаще неодушевленное существительное, чем существительное, обозначающее человека; но обычно его употребление сопровождается олицетворением или же проведением параллели между природой и событиями человеческой жизни, и точка зрения, с которой устанавливается параллелизм, всегда антропоцентрична. Например, предложение

«Не расти траве зимой по снегу»

явно представляет собой комментарий по поводу жизни человека, а не наблюдение из области биологии. Параллель становится очевидной в следующем примере:

Не долго цветику в садике цвести,
Не долго веночку на стеночке висеть,
Не долго нашей Машеньке во девушках сидеть.

Еще одна характерная особенность этой конструкции — неопределенное время. Для нее особенно характерны глаголы многократного действия *бывать*, *видать* и *слыхать*, и они, как кажется, совершенно однозначно указывают, что она должна пониматься в плане *судьбы*. Ср.:

Не бывать Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью света белого,
Не обозреть Егорью солнца красного,
Не видать Егорью отца-матери,
Не слыхать Егорью звона колокольного,
Не слыхать Егорью пенья церковного.

Некоторая, не очень явная связь с *судьбой* усматривается в утвердительных инфинитивных конструкциях, подобных той, кото-

рая приводится ниже; однако они встречаются в русском языке несравненно реже, ср.:

Быть бычку на веревочке.

Часто отрицательные и утвердительные предложения этого типа употребляются параллельно, например:

Не быть мне за князем,
Ни за князем, ни за боярином,
А быть мне за вором,
За разбойником.

Как справедливо замечает Галкина-Федорук [1958:215], предложения этого типа интерпретируют события, о которых идет речь, как «неизбежные и предопределенные *судьбой*». Приведем в этой связи следующий пример из современного текста, в котором рассматриваемая «конструкция неизбежности» явно связана с концептом судьбы:

«Но, увы, мне никогда не быть за границей, так как братья (это ты и Фаскитдин) отсидевшие... Ты только, ради Бога, не подумай, что это я тебя ругаю, или обижаюсь, или там еще чего-то. Это я просто думаю о тебе, о *судьбах* наших, о том, как и у кого складывается жизнь» [Письмо 1988:7].

Семантическое ядро отрицательных конструкций рассматриваемого типа может быть представлено следующим образом.

(а) X не случится с Y
(не потому, что кто-то не хочет этого)
человек не может думать: если я хочу этого, это случится
это не может случиться

Семантическое ядро утвердительной конструкции может быть представлено следующим образом.

(а') X случится с Y
(не потому, что кто-то хочет этого)
человек не может думать: если я хочу этого, это случится это не
может не случиться.

Кажется, однако, что в дополнение к этому ядру (положительному или отрицательному) значение рассматриваемой конструкции включает некоторые компоненты, которые связывают ее с концептом *судьбы* еще сильнее. Эти дополнительные компоненты образуют две группы, соответственно, (b) и (c).

- (b) некоторые вещи, которых люди хотят, не случатся
 некоторые вещи, которых люди не хотят, случатся
 человек не может сказать, почему
- (c) мне кажется, я знаю следующее:
 некоторые вещи случаются с людьми, а другие не случаются
 потому что кто-то говорит: я хочу этого

Можно, конечно, предположить, что компоненты (b) и (c) возникают при взаимодействии этих конструкций с контекстом, а не входят в значение самой этой конструкции; и я согласна, что этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения. Но имеется достаточно формальных показателей, которые позволяют считать, что компоненты (a) и (a') входят в грамматику русского языка.

С синтаксической точки зрения, существительное в дательном падеже, обозначающее «жертву», может быть интерпретировано либо как неагентивное подлежащее, либо как дополнение «подразумеваемого» предиката *суждено*, и эта двойственность очень часто намеренно подчеркивается, как в следующем отрывке:

Зачем судьбой не суждено
 Моей непостоянной лире
 Геройство воспевать одно?

С формальной точки зрения, *лира* в дательном падеже является здесь косвенным дополнением *суждено*; но если словосочетание *судьбой не суждено* опустить, смысл предложения останется по своей сути тем же, а *лира* станет подлежащим.

Подобно этому в следующих строках Зинаиды Гиппиус дательный падеж *мне* одновременно является косвенным дополнением *суждено* и экспериенцером «судьбы», о которой говорит инфинитив:

О, почему тебя любить
 Мне суждено неодолимо?

[Гиппиус 1972 (1910): 12]

Ср. также соположение *судьбы* и «дательного судьбы» ('fated' dative) в следующем отрывке:

Стоим мы слепо пред Судьбою.
 Нам не сорвать с нее покров.

(Тютчев)

Интересно, что в самой драматической в русской литературе любовной переписке — между Татьяной и Онегиным в «Евге-

нии Онегине» — в решающие моменты появляется фаталистическое инфинитивное словосочетание *так и быть*, эхом которого отзываются неизбежные ключевые слова *судьба* и *суждено*:

Быть может, это все пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем другое!
Но так и быть! судьбу мою
Отныне я тебе вручаю...

[Пушкин 1981:95]

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Все решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

[Пушкин 1981:20]

Слова *судьба* и *суждено* вообще очень часто встречаются в русской поэзии вместе, и *судьба* часто интерпретируется как агент *суждено*. Например:

И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава Богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной.

[Пушкин 1981:186]

Ср. также:

Ужели жребий вам таков
назначен строгою судьбою?

[Пушкин 1981:108]

Так, видно, небом суждено...

[Пушкин 1981: 108]

Следует добавить, что конструкция с «фаталистическим» дательным падежом может употребляться для того, чтобы сообщить о неизбежности другого рода. В частности, если положение дел, желательное для одного человека, полностью зависит от произвольного решения другого человека, это произвольное решение может представляться таким же неумолимым, как вердикт *судьбы*; фактически, такое произвольное решение, принимаемое кем-то другим,

может рассматриваться как часть нашей *судьбы*. Это иллюстрируют следующие примеры:

«Если нынче ночью Бэла не будет здесь, то не видать тебе коня» [Лермонтов 1959:379].

«Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась эта лошадь; а не видать тебе ее, как своего затылка...» [Лермонтов 1959:378].

А вот цитата из современного текста:

«Старое фото... Светлоликая девушка — харьковчанка Лена Данилович... Она даже не троцкистка, а — страшно сказать — «децистка». И жених у нее «децист», в другой какой-то ссылке. Мы уже знаем, что им не свидеться — усатый колдун заколдовал их намертво» [Гласность, 1988, № 12:43].

Предложения этого типа выражают те же компоненты, которые составляют ядро значения отрицательной «конструкции судьбы».

X не произойдет с человеком Y
 человек не может думать: если я захочу этого, это случится
 это не может случиться
 [потому что кто-то говорит: я хочу этого, это не случится]

Русский язык вообще чрезвычайно богат конструкциями, обозначающими события и положения дел, имеющие место против воли человека или такие, на которые воля человека не может влиять. На формальном уровне это находит выражение, в частности, в той большой и все возрастающей роли, которую конструкции с дательным субъекта играют в русской грамматике. Конструкции с субъектом-лицом в именительном падеже указывают на наличие волеизъявления или, по крайней мере, на некоторую степень ответственности; но вездесущие конструкции с дательным субъекта отражают ту перспективу видения мира, в которой люди не контролируют события. Здесь я приведу лишь еще одну конструкцию этого типа, которая поразительно созвучна содержанию *судьбы*. Сперва пример:

Но знаю, миру нет прощения,
 Печали сердца нет забвения,
 И нет молчанью разрешения,
 И все на век без изменения,
 И на земле, и в небесах.

[Гиппиус 1972 т. 1:24]

В первых трех строках используется следующая синтаксическая модель:

существительное (дат. падеж) + отрицание + существительное (род. падеж)

Существительное в дательном падеже обозначает того, кто испытывает на себе воздействие (экспериенцера), или аспекты этого человека, подвергающиеся воздействию; а существительное в родительном падеже — недостижимое «благо». Значение конструкции огрубленно можно представить следующим образом:

X хотел бы этого: Y случится
 Y не может случиться
 человек не может сказать, почему
 (мне кажется, я знаю: некоторые вещи, которых люди хотят,
 не случатся
 они не могут случиться
 потому что кто-то говорит: я хочу этого: это не случится)

Те, кто знаком с русской литературой, возможно, вспомнят также частые обращения Пушкина к своей юности, которой «возврата нет» и «возрождения нет».

Следует добавить, что в фольклоре «конструкция обреченности» почти всегда используется по отношению к «плохим», нежелательным событиям; и поэтому может казаться оправданным включение этого «плохого» в их семантическую формулу. Однако я удержалась от этого, потому что существуют исключения. Так, в 1932 г. Марина Цветаева, жившая тогда в Париже, размышляя в своих «Стихах к сыну» о его будущем, употребляла «конструкцию обреченности», по-видимому, не усматривая в ней «плохого»:

Не быть тебе буржуем...
 Не быть тебе французом...

Литература

- БАС (Словарь современного русского литературного языка). 17 т. М.: АН СССР, 1950-1965.
 Галкина-Федорук Е. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1958.
 Гинзбург А. Сколько жертв у застоя //Русская мысль, 22 апреля 1988. Гиппиус З. Стихотворения и поэмы. 2 vols. München: Wilhelm Fink, 1972. Гласность. М., 1988, вып. 12.
 Гроссман В. Жизнь и судьба. Paris: L'Age d'Homme, 1980.
 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1955.

- Достоевский Ф.М. Преступление и наказание// Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
- Засорина Л.Н. (ред.) Частотный словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени //Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1959. Т. 2, с. 365-499.
- Марк Аврелий. Наедине с собой. М.: Наука, 1984.
- Мельчук Н.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 1984 (Sonderband 14).
- Орлов В. Марина Цветаева: судьба, характер, поэзия// Цветаева М.И. Избранные произведения. Под ред. В. Орлова. М.: Советский писатель, 1965, с.5-54.
- Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. Paris: Mondiale, 1959.
- Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. М.: Советский писатель, 1965.
- Письмо (анонимное). Письмо брату на запад о том, как мы живем в Башкирии // Русская мысль, 13 мая 1988.
- Пушкин А.С. Евгений Онегин. М.: Художественная литература, 1981.
- Радзиевская Т. В. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка: культурные концепты. М.: Наука, 1991.
- Рыбаков А. Дети Арбата //Дружба народов, М., 1987, № 4-6.
- САР (Словарь Академии Российской). Одензе: Изд-во при Университете Одензе (Репринтное издание 2-го изд.: СПб, 1806-1822).
- Солженицын А.И. Красное колесо. Узел 3, Март семнадцатого. Paris, YMCA-Press, 1986.
- Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика //Соловьев В.С. Собр. соч. СПб, т. 4, с. 12-13.
- Соловьев В.С. Судьба Пушкина//Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. Тютчев Ф.И. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1976.
- Цветаева М.И. Избранные произведения. Под ред. В.Орлова. М.: Советский писатель, 1965. (Библиотека поэта, большая серия, 2.) Цветаева М.И. Неизданные письма. Paris: YMCA-Press, 1972.
- Штайнфельдт Э.А. Частотный словарь современного русского языка. М.: Прогресс, 1974.
- Aaron R. John Locke. Oxford: Clarendon Press, 1955. Bassani G. Gli occhiali d'oro. Milan: Mondadori, 1980.
- Bendix R. Nation-building and citizenship: studies of our changing social order. New enl. ed. Berkeley: University of California Press, 1977. Bettelheim B. Freud and man's soul. L.: Hogarth Press, 1983.
- Bolshakoff S. Russian mystics. L.: Mowbray, 1977.
- Brockhaus Wahrig Deutsches Wörterbuch. Hrsg. von G. Wahrig u.a. Bd 1-6. Wiesbaden: Brockhaus, 1983.
- Collins German dictionary. Ed. by P.Terrell, V. Calderwood-Schnorr, W. Morris and R. Breitsprecher. Glasgow: Collins, 1980.
- Cowan J. The Maories of New Zealand. Christchurch, N.Z.: Whitcombe and Tombs, 1910.
- Curtis J.S. Church and sfate in Russia. N.Y., 1940.
- Davies N. God's playground: a history of Poland. Oxford: Clarendon Press, 1981.
- Davies N. Heart of Europe: A short history of Poland. Oxford: Clarendon Press, 1984.
- Dench A. Kinship and collective activity in the Ngayarda languges of Western Australia// Language in society, vol. 16, №3, p. 321-340.
- Devoto G., Oli G.C. Dizionario della lingua italiana. Florence, 1977.
- Dicks H. Observations on contemporary Russian behaviour/ /Human relations. 1952, vol. 5, № 2, p. 111-175.

- Dixon R.M.W. *The languages of Australia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Dixon R.M.W. *The Dyirbal kinship system*// *Oceania*, 1989, vol. 59, 4, p.245- 268.
- Dorner A. *Fate*//*Encyclopedia of religion and ethics*. Ed. by J. Hastings. Edinburgh: T.Clark, 1908-1926.
- Duden. *Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache*. Mannheim: Dudenverlag, 1980. Dumont L. *Are cultures living beings? German identity in interaction*// *Man*, 1986, vol. 21, p.587-604.
- Erickson E.H. *Childhood and society*. 2nd ed. N.Y.: Norton, 1963.
- Fortes M. *Oedipus and Job in West African religion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1959.
- Fromm E. *The fear of freedom*. London: Routledge a. Kegan Paul, 1980.
- Fullerton K. *Calvinism and capitalism: an explanation of the Weber thesis* // *Protestantism and capitalism: the Weber thesis and its critics*. Boston: D.C.Heath, 1959, p. 6-20.
- Gaines A. *Cultural definitions, behavior and the person in American psychiatry*//*Cultural conceptions of mental health and therapy*. Ed. by A.Marsella a. G.White. Dordrecht: Reidel, 1984, p. 167-192.
- Garton Ash T. *The Polish revolution: Solidarity 1980-82*. L.: Jonathan Cape, 1983.
- Gipper H. *Is there a linguistic relativity principle? // Universalism versus relativism in language and thought: Proceedings of a colloquium on the Sapir-Whorf hypothesis*. Ed. by R.Pinxten. The Hague: Mouton, 1976, p. 217-228.
- Grossman V. *Life and fate*. Transl. by R. Chandler. London: Fontana, 1985.
- Guardini R. *Freedom, grace and destiny: three chapters in the interpretation of existence*. L.: Harvill, 1961.
- Hale K.L. *Kinship reflections in syntax: some Australian languages*// *Word*, vol. 22, p. 318-324.
- Hastings J., ed. *Encyclopedia of religion and ethics*. 13 vols. Edinburgh: T.Clark, 1908-1926.
- Heelas P. *The model applied: anthropology and indigenous psychologies* // *Indigenous psychologies*. Ed. by P.Heelas and A. Lock. London: Academic Press, 1981, p. 39-64.
- Kane J.F. *Free will and Providence*// *New catholic encyclopaedia*, 1967, vol.6, p.94-95.
- Kucera H.,Francis N. *Computational analysis of present-day American English*. Providence, R.I.: Brown University Press, 1967.
- Le grand Robert de la langue française*. 2nd ed. Ed. par A. Rey. 9 vols. Paris: Le Robert, 1986.
- Locke J. [1690]. *An essay concerning human understanding*. Ed. by A.C. Fraser. N.Y., 1959.
- Lowie R.H. *Towards understanding Germany*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1954. Mauriac F. *Lines of life*. Transl. by G.Hopkins. London: Eyre and Spottiswoode, 1957. Mauriac F. *Destins*. Ed. by C.B. Thornton-Smith. London: Methuen Educational, 1983 [1928].
- Nolan P. *Free will* // *New catholic encyclopaedia*, 1967, vol. 6, p.89-93. OED (The Oxford English dictionary. 12 vols. Oxford: Clarendon Press, 1933. Pasternak B. *Doctor Zhivago*. Transl. by Hayward M., Harari M., London: Collins and Harvill, 1958.
- Peters R. *Hobbes*. Harmondsworth: Penguin, 1956.
- Ramage C.T. *Familiar quotations from French and Italian authors*. London: Routledge, 1904 (Reprinted 1968).

- Regan C. Free will and grace// New catholic encyclopaedia, N.Y., 1967-1979, vol.6, p. 93-94.
- Shell J. The fate of the earth. New York: Alfred Knopf, 1982.
- SJP (Słownik języka polskiego). Ed. W. Doroszewski. 11 vols. Warszawa: Państwowe wydawnictwo Naukowe, 1958-1969.
- Smith Ch. Synonyms discriminated: a dictionary of synonymous words in the English language. Detroit 1970 [1903].
- Stevenson B. Stevenson's book of quotations. London: Gassell, 1946.
- Stock St. George. Fate (Greek and Roman) // Hastings, vol.5, p. 786-790.
- Suffrin A.E. Fate (Jewish) // Hastings, vol.5, p.793-794.
- Todd J. Martin Luther: a biographical study. London: Burns and Oats, 1964. Voltaire F.M.A. de. Dictionnaire philosophique. Paris: Gamier, 1769.
- Walsche W.G. Fate (Chinese)// Hastings, v.5, p. 783-785.
- WDG, Wörterbuch der deutschen Gegenwartsprache. Hrsg von R. Klappenbach u. W. Steinitz. Berlin: Akademie-Verlag, 1975.
- Weber M. The sociology of religion. Transl. by E. Fischoff. London: Methuen, 1964.
- Weber M. The Protestant ethic and the spirit of capitalism. Transl. by T.Parsons. London: Allen and Unwin, 1968.
- Wittfogel K. Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1963.
- Zingarelli N. Vocabolario della lingua italiana. 10th ed. Bologna: Zanicelli, 1970.
- Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture- specific configurations. New York: Oxford University Press, 1992.

Примечания

- 1 *Ср. русск. Если на то будет воля Божья.*
- 2 Имеется в виду ненаучное, «народное» мировоззрение, «наивная картина мира».
- 3 Как следует из дальнейшего, точнее было бы перевести слово *fated* как *обреченный*.
- 4 Переводчик Гроссмана.
- 5 Цитата приводится по современному русскому изданию. В оригинальном тексте Анна Вежбицка приводит цитату в собственном переводе на английский язык.
- 6 букв, изменение колеи везения.
- 7 страховой случай.
- 8 «каждый сам кует свое счастье».
- 9 Стихотворение «В больнице» (1956).
- 10 букв. «пожелал другого».
- 11 некой потусторонней силы.
- 12 высшей силы.
- 13 букв. безусловным.
- 14 букв. «превратности», «перемены».
- 15 Людям судьба не назначила
Ничего, кроме смерти. Прокляни же теперь Себя, и Природу, и ту грубую силу, Что незримо ведет
к общей муке И безграничной ничтожности всего сущего.
- 16 *Ср. русск. в радости и в горе .*
- 17 Слово *fate* в этом контексте, так же, как в последующих, не имеет русского эквивалента; приблизительно оно значит здесь «Что происходит с...»; но это русское

словосочетание имеет отсутствующие у соответствующего нейтрального употребления *fate* «популярные» коннотации. Это, как и вообще все трудности, которые возникали у меня при переводе слов рассматриваемой семантической группы, — еще одно доказательство правоты Анны Вежицкой.

18 рабский выбор (*лат.*)

19 Аллюзия на стихотворение Редьярда Киплинга.

20 «Игровая площадка Господа: история Польши».

21 Легионы — это гордость солдата;

Легионы — это судьба мученика;

Легионы — это песня нищего;

Легионы — это смерть смельчака.

Мы, Первая Бригада,

Полк огневого штурма,

Мы поставили свои жизни на карту.

Мы сами захотели своей судьбы.

Мы сами бросили себя на погребальный костер.

22 Имеется в виду современное значение слова *weird*.

Перевод и примечания Р.И.Розиной